

12+

В погоне за
СКАЗКОЙ
Dama Art

Даша Art

В погоне за Сказкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67279946

SelfPub; 2022

Аннотация

В Новый год случаются чудеса, и сбываются мечты. В этом Лена и Антон убедились, когда накануне праздника получили загадочные письма с «того света». Лене обещан подарок, а Антон не может не помочь девушке, в которую влюблён вот уже 5 лет. Они вместе пускаются в погоню за Сказкой. Но окажется ли она удачной? Ведь приключение организовала бабушка, которая уже умерла. В Новогодней кутерьме закружатся тайные задания. И только вдвоём им удастся справиться с загадками. Цепочка замкнётся, и магия свершится ровно в полночь...

Даша Art

В погоне за Сказкой

Глава 1

POV Антон

Здесь темно, как в шахте – это всё, что нужно знать о нашем подъезде. Обычно темнота меня не пугает, я давно уже не маленький мальчик, верящий, что в шкафу или под кроватью живут монстры, которые только и ждут момента, когда я высуну ногу из-под одеяла, чтобы схватить меня и утащить в свой злодейский мир.

Но сегодня вечер тридцатого декабря. Через тридцать шесть часов страна взорвётся салютом и криками с поздравлениями. Ещё один год прожили. Так держать!

А у меня нет настроения. Ещё один год прожил, а ничего не изменил. Я даже на шаг не приблизился к исполнению своего заветного желания.

Кто-то назовёт меня трусом, и я не буду их за это бить. Наоборот, я позволю треснуть себе по лбу, чтобы привести в чувства, и пнуть под задницу, дабы заставить ускориться.

Я преодолеваю первый лестничный пролёт, стараясь не издавать звуков. В подъезде гробовая тишина, и мне кажется, что нарушать её – кощунство. Никогда не был расхитителем гробниц, и становиться им в предновогодний день не намерен.

Всё же понимаю, что без кусочка света не попаду домой в целости и сохранности. Обязательно оступлюсь, и новый год проведу в чудовищной очереди районного травмпункта. Перспектива так себе, но лучше у меня всё равно нет.

Я отказался от поездки с родителями. И тому было две причины. Во-первых, я уже большой мальчик, и раз уж взялся жить отдельно, то и не должен мешать родителям, наконец, зажить своей жизнью.

Тянусь за телефоном, чтобы включить фонарик. Поднимаю голову. Резкий вдох. Делаю шаг назад, едва не свалившись с последней ступеньки. Травмпункт ко мне явно неровно дышит и вызывает всеми фибрами искалеченной души.

А моя душа встрепыхнулась, словно раненая птичка в руках спасителя. И вторая причина моего пребывания в тёмном подъезде, а не на горнолыжном курорте стоит прямо передо мной.

Я не вижу её полностью, лишь профиль маленького личика, освещенный голубым светом ручного фонарика. Задерживаю дыхание, чтобы избавиться от всех запахов, которые застряли в носоглотке. Затем шагаю вперёд, делая глубокую затыжку. Это срабатывает.

Рецепторы улавливают нежный аромат лаванды. Он на всю жизнь отпечатался в закромах сознания, как принадлежащий этому миниатюрному существу, больше напоминающую лесную нимфу, чем обычную девушку.

Лена.

Мы впервые встретились пять лет назад, когда я с родителями заселился в квартиру. Спустя три года они сменили место локации на просторный дом в пригороде, а я остался самостоятельной личностью.

Я столкнулся с ней вот так же в подъезде. Она подняла на меня свои большие лазурные глаза, и мне показалось, что я вновь оказался на островах, где когда-то отдыхал с родителями. Такие красивые и невероятно грустные.

– *Приветик, не знал, что здесь такие красотки проживают!* – Я улыбнулся ей, подмигнул, сразу решив броситься в омут по самые уши. Но в ответ получил лишь едва заметное движение плеч и подозрительный взгляд.

Чуть позже я узнал, что в тот день были похороны её бабушки, и стало жутко стыдно за мой нелепейший подкат. Хотя отмотать время назад не удалось: первое впечатление обо мне у неё сложилось прискорбное.

Так и началось наше знакомство. И отношения за пять лет не сдвинулись ни на йоту.

– Привет, – говорю я тише обычного, чтобы не напугать девушку, но она всё равно шарахается в сторону.

Закусываю губу, не удивляясь. Это её обычная реакция на меня.

Настороженность. Недоверие.

Я не могу осуждать. Я подошёл к ней сзади в тёмном подъезде – конечно, любая испугается. Хочется треснуть себя по лбу. Что за идиот? Рядом с Леной я превращаюсь в долбо-

кляю.

– Привет, – сипло отвечает она, немного сжавшись.

Вот так и проходит наше обычное общение.

Включаю фонарик на телефоне.

– Новогодняя почта? – Сегодня я особенно настырный.

Тянусь к своему ящику, заметив выглядывающую белую бумагу. – Пришло ли письмо от Деда Мороза?

– Нет ещё, – сегодня и она произносит больше слов.

Мне хочется завязать разговор. Я хочу поговорить с ней.

Мне мало просто редких взглядов и ещё более редких приветствий.

Лена поспешно достаёт журнал из ящика и прячет его за спину. Смотрю на её тоненькие пальчики с аккуратно подстриженными ноготками и не покрытыми лаком. Так необычно в наши дни. В моей группе у всех девчонок обязательный шеллак. И ногти такие длинные, словно они готовятся на роль Росомахи в голливудском блокбастере. Мне временами кажется, что они в шаге от того, чтобы выколоть себе глаз. Или мне, когда подходят слишком близко.

Мне не нужно видеть обложку журнала, чтобы узнать его название. Я вижу его каждый месяц в её ящичке. Меня интересовало всё, что связано с этой печальной девушкой. В один из таких дней моё любопытство победило, и я достал журнал, чтобы посмотреть.

«Чудо-клубок».

Журнал о вязании. На обложке была девушка-подросток

в вязанной ярко-жёлтой кофте. Она улыбалась во весь рот и держала в руках спицы и клубок.

Лена любит вязать. А иначе зачем из года в год оформлять подписку? Да и любовь к печатному журналу выглядит очень мило, ведь девушки, которых я знаю, всю информацию находят в интернете.

На ней красивая розовая вязаная шапочка. Многие ходят в таких, но мне кажется, что она связала себе сама. В тон шапке шарф и варежки, которые сейчас лежат на соседских ящиках. Думаю, что это тоже её работа. Интересно, если попросить, Лена смастерит что-то для меня?

– Новые схемы для вязания свитера с оленями? – шучу я, но тут же понимаю, что не время для моих приколов.

Кирпич на мою дурную голову, сам ты олень!

Даже при таком скудном освещении видно, как бледные щёки вмиг покраснели. Лена смутилась.

Олух, вот я кто!

Мне нужно просто закрыть рот, и, возможно, она пробудет рядом чуть дольше, прежде чем скроется за дверь своей квартиры, оставив меня на крыльце своего маленького, но жутко уютного мирка. Не спрашивайте, откуда я знаю. Я просто так чувствую.

Я хочу забрать свои слова обратно, но поздно кричать *гон*, когда уже вписался мордой в забор, через который должен был перепрыгнуть.

– Да, наверное, – медленно отвечает Лена, затем тянется к своим варежкам. Она засасывает свою губу, а я жадно впитываю её движения. – Ну, пока.

И прежде чем я успеваю ей ответить, Лена разворачивается и немного пружинисто взбегает по лестнице вверх.

– Пока, – беззвучно прощаюсь я, глядя на то место, где она пару секунд назад стояла.

Должно случиться чудо, чтобы мы смогли хотя бы подружиться. На большее я уже не рассчитываю. Хотя я вру сам себе. Сердце отбивает только одно желание. Это далеко не дружба.

Я возвращаюсь к своему ящику. Достāju белое письмо со странными марками, словно из Советского Союза, и картинкой на половину конверта, с изображением мальчика и девочки в пионерской форме, наряжающих ёлку.

Я поднимаюсь на третий этаж, вхожу в свою квартиру, заинтересованно вертя конверт. Включаю свет хлопком. Быстро стягиваю пуховик и шапку, наспех вешаю на вешалку, возвращаюсь к письму.

Вскрываю его не слишком аккуратно, спешу. Внутри нахожу письмо на бумаге с налётом желтизны. Я читаю первые строки...

«Ленок, моя дорогая внученька...»

Так, стоп.

Ленок? Внученька?

Это явно не ко мне.

Переворачиваю конверт, чтобы убедиться, что адрес мой. Да, всё верно. Может, произошла какая—то ошибка? Квартирой ошиблись, всякое бывает.

Снова смотрю первые строки.

Ленок – это Лена?

Я знаю только одну...

А что если письмо адресовано моей соседке?

Я тут же вскидываюсь. Вот мой шанс постучаться в её дверь, чтобы торжественно вручить письмо.

От бабушки...

Но ведь её бабушка умерла пять лет назад, а на конверте свежие даты. Из надёжных источников, всезнающих бабулек у подъезда, я знаю, что все её родственники, включая родителей, бабушек и дедушек, умерли, сделав её круглой сиротой.

Шире раскрываю конверт, чтобы найти какую-нибудь зацепку. Но там больше ничего нет.

Мороз по коже. словно весточка с того света.

Если я припрусь к Лене с письмом, она, должно быть, решит, что я – псих. Я бы и сам так решил.

Возможно, речь о другой Лене.

Да, такое вполне может быть, и это самое верное объяснение. Вот только я не собираюсь бродить по дому в поисках какой-то там Лены.

Пробегаюсь взглядом по содержимому письма, надеясь, что содержимое поможет выйти на след получателя. Но лишь

озадаченно хмурюсь. Бред какой-то.

Кладу конверт на тумбу, затем вздыхаю. Чуда не случилось. Плечусь на кухню, словно приплюснутый таракан, чтобы сделать себе кофе. Или что покрепче...

Глава 2

POV Лена

Временами я себя ненавижу. Вот как, например, сейчас.

Почему я не смогла посмеяться и открыть свой рот, чтобы легко произнести ответную шутку? Что-то вроде:

– Конечно, хочешь, свяжу тебе такой свитер? Они очень модные в этом сезоне.

Нет же, вместо этого я закрылась, словно ракушка, у которой собираются украсть жемчужинку. Глупая, нет ему никакого дела до меня. И жемчужины тоже нет. Он просто приветлив с соседкой не только по подъезду, но и по лестничной клетке.

Мы пять лет живём напротив друг друга, а всё, что я о нём знаю – это то, что Антон очень красивый, милый парень. Он каждый раз здоровается со мной, как и полагается воспитанному парню. А я в ответ веду себя странно и неприветливо. Шлёпаю глазами и губами, словно рыбёшка, выброшенная штормом на берег.

При встрече с ним я теряюсь и смущаюсь. Мне кажется, что я вот-вот зареву: иа-а-а, как полоумная ослица. Чтобы этого не дай бог не произошло, спешу скрыться с его глаз.

Пару лет назад я увидела у нашего подъезда фургон с названием транспортной компании, а из его квартиры выносили мебель и вещи. Помню, что жутко испугалась. Я не хотела, чтобы он исчезал из моей жизни, как это сделали все, кого я любила. Не нарочно, конечно, но они это сделали.

Мне казалось, что всё не так уж плохо, и пол не шатается под моими ногами, пока я знала, что в соседней квартире живёт он.

Глупо, ведь я Антона вообще не знаю. Но мне дороги секундные встречи в подъезде. Каждое из них я храню в памяти, холю и лелею. А уж если удаётся перекинуться хотя бы двумя словами, как сейчас, я вставляю эти воспоминания в рамочку и по несколько раз в день люблюсь. До следующей встречи.

У него такие притягательные карие глаза и мальчишеская задорная улыбка. Я так не улыбаюсь. Просто не способна. Его голос по-мужски мягкий, он никогда не был со мной груб. Даже в утренние часы, когда мы, словно зачарованные чудовища, ещё не превратились в нормальных людей.

Я принимаю и понимаю, что в носу до сих пор кружит аромат, исходивший от него сегодня. Новый год пахнет именно так. Мандарины и хвоя, словно он съел килограмм цитрусовых и пообнимался с елью в лесу.

Я люблю эти ароматы, готова вдыхать снова и снова, хотя у меня аллергия на цитрусовые, а дома никогда не было настоящей ёлки, только старая и искусственная, доставшаяся

мне по наследству от бабушки.

От неё мне много чего досталось, включая эту квартиру. Но вместе с ней перешла старая мебель, сменить которую я пока не могу, будучи простой студенткой. Ещё повсюду атрибутика бабушкиной несостоявшейся карьеры, за которую её чуть не посадили в тюрьму в советское время.

Ясновидящая, гадалка, экстрасенс – называйте, как хотите. Но она занималась тем, что рассказывала людям их судьбу, помогала лечить болезни и делала ещё кучу всякой всячины.

Только вот приёмы она не вела, но не отказывала тем, кто приходил за помощью по совету знакомых.

В теперь уже моей квартире найдётся вся необходимая утварь: и карты, и непонятные косточки, свечки, странные символы, амулеты, статуэтки. Обобщая скажу: всё, что душе угодно.

Даже самый ярый скептик сдастся перед такими атрибутами. Бабушка за свою помощь денег не брала. Состояние квартиры, точнее, полное отсутствию ремонта и новой мебели в нём, подтверждает мои слова.

По классике жанра, должна быть ещё кошка, которая будет смотреть в пустую стену, словно видит там то, чего не можем мы.

Её нет. Бабушка не особо жаловала этих представителей фауны.

Я аккуратно опускаю сумку на комод. За ней следует жур-

нал. Чтоб ему пусто было!

И не раздевшись, прохожу в зал. Меня манит конверт, который я нашла в своём ящике. Я слишком нетерпелива. Кто мог отправить мне письмо?

Конверт старый. У бабули таких было много. Она не признавала инновацию, не доверяла социальным сетям, как и её подружки.

Зато почта вселял им доверие. Чудные они, старушки.

Поэтому они переписывались проверенным способом до самой бабушкиной смерти. После её похорон я написала всем и получила ответные письма с соболезнованиями.

Может, я кого-то забыла? И теперь какая-нибудь старушка интересуется, куда пропала её подружка по переписке. Сразу отмечаю это предположение, ведь прошло уже пять лет.

Вскрываю конверт, поддев место склейки ногтем. Оно легко поддается, и вот я уже достаю немного пожелтевшие страницы. И тут же окунаюсь в бабушкин каллиграфический почерк. Он никогда не сравнится с моими закорючками, сколько бы я ни подражала ей.

«Ленок, мой дружок, сегодня прохладно, да? Одевайся теплее».

От первых строк коленки дрогнули, а в желудок словно что-то грохнулось. Тяжёлое.

Я опускаюсь в любимое бабушкино кресло, а теперь и моё. Глаза словно два кролика бегают по тексту. Родной голос зву-

чит в голове, но я словно слышу, как он отражается от стен.

«Я всегда говорила тебе, что буду рядом. Я никогда не оставлю тебя. Но вот прошло пять лет. Странно. По ощущениям не больше пяти минут...»

Нет, годы тянулись слишком долго и одиноко. Квартира опустела без неё.

«Я знаю, что проживешь ты хорошо. Поступила в университет. Я тобой горжусь! Мой дружок, ты умница! Ты станешь хорошим доктором и спасёшь много жизней. Но сейчас я хочу позаботиться о твоей...»

Бабуля...

Почерк точно её. Я не могу перепутать.

Сердце бьётся неровно. Под ложечкой засосало. А глаза уже защищало от слёз, которые я с таким усердием сдерживаю каждый день.

«Я подготовила для тебя подарок, и пришло время отдать его тебе. Смотри внимательно».

Подарок? Бабушка приготовила мне подарок?

Рука сама тянется к последнему подарку, который она вручила мне. Красивая серебряная цепочка и подвеска в форме ключика. Искусная ювелирная работа.

Закусываю губу, оттягиваю её, пока не чувствую боль. Смех вырывается из горла одновременно с всхлипом и слезами.

Руки дрожат, я переворачиваю лист. Брови сдвигаются и

нависают над переносицей. Я ничего не понимаю, лишь бурляю непонятные символы.

Нет, я лгу. Уже всё поняла.

На самом деле эта простая схема, на которой лишь два объекта. Две квартиры напротив. Моя и Антона.

Мой подарок у него? Что за чушь? Это чья-то злая шутка?

Если это так, я найду шутника, и ему не поздоровится!

Вскакиваю на ноги, шагаю обратно к двери. Приходится привстать на цыпочки, чтобы посмотреть в глазок. Ничего не видно. Темнота.

Шумно вздыхаю. Переворачиваю лист туда-сюда, словно это поможет мне разобраться.

Становится жарко. Я вспоминаю, что ещё не разделась.

Хватаюсь за ручку. Может, стоит сходить в соседнюю квартиру и спросить?

Только вот, что я должна сказать?

– Моя умершая бабушка прислала мне письмо, в котором сказала, что здесь мой подарок. Ты не отдашь мне его?

Чепуха!

Я при Антоне даже двух слов не могу связать, а тут целые предложения, да ещё такие глупые.

Злюсь на себя. Резко разматываю шарф, закидываю его на вешалку. Скидываю пальто и срываю шапку.

Письмо сжимаю в руке, но так чтобы не помять. Замираю в нерешительности.

Что делать?

Вместо того чтобы бросить к соседской двери, я проверяю, закрыла ли замок. Прислоняюсь затылком к двери, выпускаю вздох.

Бабуля, что за шалость после смерти?

Глава 3

POV Лена

– И ты вот так запросто лежишь на диване в позе тюленя? Морщусь от звонкого голоса подруги. В моей квартире всегда тишина. Если прислушаться, что можно услышать паучка, который плетёт новогодний узор в углу комнаты.

Нина Окулова. Девушка с красивой фигурой. Не намного выше меня, но по её собственному убеждению на целых десять сантиметров. У неё светлые волосы, молочная кожа и милые веснушки.

Рядом с ней как никогда оттенены мои тёмные волосы и смуглая кожа. Цыганские корни дают о себе знать. Моя мама была классической красавицей, как и бабушка. Меня же от них отличают нос и глаза отца. А ещё от неизвестного достался рост и телосложение.

Я поднимаю глаза на девушку, протягиваю руку, чтобы забрать письмо.

Нина – моя лучшая и единственная подруга с неизвестных времён. Серьёзно. Я не знаю, когда мы начали дружить. Тысячу лет назад. Сколько я себя помню, рядом всегда была Нина.

Бабушка называла нас Ленок и Нинок. Она любила говорливую девчонку. И девочка отвечала ей полной взаимностью.

В современном мире это редкость. Дружба. Без какой-либо выгоды или условий. Мы просто всегда были рядом, что бы ни происходило. Будь то выпавший молочный зуб, двойка по математике, первая неразделённая любовь Нинок или смерть бабушки.

Вчера я не стала ей звонить, но сегодня она сама пришла меня проведать и позвать с собой. Новый год ведь! Каждый год одно и то же.

Нина приходит вот уже пятый год, пытается уговорить меня отметить с ней. Но она всегда празднует с родителями и кучей родственников.

В прошлом году я сдалась и поехала с ней к ним на дачу. Пожалела. Раз, наверное, тысячу. Ко мне весь вечер прихрамывал её двоюродный брат. Вовка.

Прихрамывал в прямом смысле. Он навернулся с лыж и повредил ногу, поэтому подвыпив и расхрабрев, хромя, ходил за мной по пятам. Когда Нина это заметила, она живо поставила его на место.

Подруга опускает бумагу на мою протянутую ладонь. Я снова вглядываюсь в написанные строки.

– Что я, по-твоему, должна делать?

Нина поджимает губы и выдыхает сквозь раздувшиеся ноздри. Она садится на диван рядом со мной.

– Ты просто обязана сходить к соседу и узнать. – Нина бьёт руками по сиденью. – Я бы на твоём месте уже давно дверь ему вынесла.

– Во-о-о-т бы он обрадовался, – протягиваю я, а Нина смеётся над моей ремаркой. – То есть ты хочешь, чтобы я вломила в чужую квартиру, потому что так велела моя покойная бабушка? – Я потрясла письмом. – Ау, это весточка с того света! К тому же ещё неизвестно, бабуля ли это написала. А вдруг это чей-то злой розыгрыш?

– Нет, – подруга покачала головой, – это точно её почерк. Я узнаю его даже спустя сто лет. – Она указала на текст. – Посмотри на эту *Й*! С тех пор, как научилась писать, я пытаюсь повторить эту чёрточку, и у меня ни разу не вышло даже что-то близко похожее.

Она права. Мы с ней часами выводили буквы, когда проходили Букварь, стараясь подражать бабуле, но у нас не получалось. И тогда были слёзы. Много детских наивных слёз.

Бабуля никогда не ругала нас за закорючки и не утешала, она лишь посмеивалась и приговаривала, что почерк – это в жизни не главное.

По крайней мере, не в жизни врача – это сто процентов. Прочувшись два года в медицинском, могу с уверенностью это подтвердить.

– Эх, жалко, что для меня послания нет, – вздыхает Нина. Она вдруг грустно улыбается и оглядывает комнату. – Ты вообще ничего не изменила, да? Всё словно замерло в тот

день. Почему ты не выкинешь это барахло?

– Почему это не изменилось? – надуваю щёки, соперничая с рыбой-шаром.

– Ты словно сохранилась и сидишь в четырёх стенах. Агата Соломоновна была права.

Прищуриваюсь на свою подругу.

– Она ничего такого не говорила.

– Тебе не говорила.

– Неужели бабуля рассказала тебе о моём будущем?

Нина рассмеялась:

– Это не в её духе.

Точно.

Бабушка никогда чётко не говорила, что нас ждёт. Да и тем, кто к ней приходил, тоже не поднимала завесу тайн будущего. Бабуля считала, что это медвежья услуга.

Знание будущего делает человека ленивым. Ведь когда наперёд знаешь, то и делать ничего не надо. Это всё равно случится или не случится, так зачем стараться? Но именно в движении и заключена наша жизнь.

– *Мы не должны уповать на судьбу,* – часто повторяла бабушка, – *или на бога.*

Она очень жалела, что однажды заглянула в свою судьбу. Временами я заставала её на кухне поздней ночью за поглощением вина или глинтвейна, в зависимости от времени года. Я говорила, что в её возрасте это вредно, но она повторяла, что её убьёт вовсе не вино, а тоска.

Бабуля скучала по своим родителям, мужу, детям и даже внукам. Из нашей семьи осталась только я. Она говорила, что это проклятье её рода. Но мою жизнь она вымолила.

Я ей, конечно, не верила, но от фактов никуда не денешься. Один за другим они трагически покинули нас, пока и бабушка не последовала за ними.

– Агата Соломоновна говорила, что ты похожа на неё, – голос подруги вытягивает меня из философских исканий.

Хмурюсь.

– У меня нет способностей.

– Не в этом плане. А в том, что часто замыкаешься в себе.

– Но это же неправда! – Встаю с дивана. Удерживаюсь от того, чтобы сердито топнуть ногой. – Я не затворница! Я учусь в универе, помогаю в больнице, вяжу и отдаю тёплые вещи в приют и...

Осекаюсь, когда Нина, не впечатлѐнная моими действиями, лишь скептически приподнимает бровь.

– Что не так? – развожу руками. – Что я ещё должна делать?

– А как насчёт того, чтобы делать то, что ты любишь?

– Мне нравится то, чем я занимаюсь! – пыхчу сердитым ёжиком. – Я помогаю людям – это важно!

– Я и не спорю. Ты просто не думаешь о себе. Когда ты в последний раз играла на гитаре? – Подруга подходит к инструменту, скрытому диваном. Она поднимает её за гриф, ставит на диван, проводит пальцем по корпусу, соби-

рая пыль. – Когда в последний раз пела?

Я отворачиваюсь к окну, делая вид, что меня дико заинтересовала ребятня, бегающая по детской площадке, валяющаяся в снегу и катающая огромные снежные шары, видимо, для снеговика – переростка.

– Давно, – Нина сама отвечает за меня. – Ты ведь даже квартиру к новому году не украсила!

Закатываю глаза.

А какой в этом смысл?

Не вижу причин доставать пыльную старую искусственную ёлку с антресоли. Палка поржавела, когда-то пушистые ветки сейчас напоминают пожёванный веник, а елочные игрушки почти все перебиты. Тут, конечно, немало моей заслуги. Каждый год по одной с тех пор как переехала к бабушке.

– Я собиралась взять смену в больнице, но мне отказали.

– Вот и молодцы.

– Можно подумать, у них в новый год нет проблем с персоналом. Я даже предлагала поменяться сменами, но все как сговорились!

Нина вытянула губы уточкой и отвела глаза. Я подозрительно прищуриваюсь, но затем встряхиваюсь. Ерундистика какая-то. Не могла же моя подруга подстроить мне нежелательные выходные.

– Зато теперь у тебя есть время разобраться с бабушкиным посланием и получить свой подарок.

– Мне бы твою уверенность, – вздохнула я, возвращаясь на диван в позу тюленя, в которой провела бессонную ночь, пытаюсь разгадать, какой же подарок приготовила для меня бабуля.

– Тебе бы сходить в душ, голову помыть, затем придеться и... в путь!

– В какой такой путь? Мне всего нужно пройти до соседской двери.

Нина улыбнулась. Её глаза блеснули.

– Для тебя это будет самое волнующее путешествие. Ты ведь за пять лет так и не смогла приблизиться к этой двери.

– А с чего это мне к ней подходить?

– Если бы у меня по соседству жил такой красавчик, я бы давно уже наведалась к нему в гости. Ну, там, соль попросить или же поменять лампочку в спальне. Я такая хрупкая девушка, живущая одна-оденёшенька...

– Прекрати, – буркнула я. Мне вдруг представился Антон посреди моей маленькой спальни, и я покраснела до корней волос.

– Думаю, он бы не устоял. – Господи, она почти пропела эту фразу, а я нахмурилась. Подруга тут же уточнила: – Не передо мной, а перед тобой.

– Ты успела бахнуть с утра? Иначе как объяснить твоё странное поведение? – Грудь завибрировала от гнева. – Я вообще не понимаю, с чего бабуле оставлять мне загадочные послания спустя пять лет, да ещё вмешивать в это Антона!

Я за всё это время только пару раз поздоровалась с ним!

– Может, дело именно в этом? – Нина подняла указательный палец вверх. – Ты влюблена в своего соседа пять лет, но так глубоко погружена в себя, что даже не смогла с ним поговорить. Просто продолжаешь день за днём пускать слюнки, глядя на его дверь, и сохнуть ночами, разглядывая его профиль в инстаграме!

Я открыла рот, чтобы возразить, но не знала, что сказать. Так и захлопнула обратно. Она права. Именно этим я и занималась, когда не была занята учёбой и уходом за больными.

Нина выразительно глянула на свои смарт-часы.

– Тебе нужно поторопиться. Время уже поджидает.

– Торопиться куда?

Подруга качает головой. Она знает то, чего не знаю я?

– В двенадцать ночи карета превратится в тыкву. Ты ведь не хочешь остаться без своего подарка?

– Ты опять баловалась кофе с коньяком?

– Кыш в душ! От тебя несёт больницей!

Через час я уже сидела на табурете посреди зала, а Нина с плойкой в руках трудилась над моими волосами в поте лица.

– Это ещё зачем? – пыталась возразить я, но получила решительный ответ:

– Ты же не хочешь впервые постучаться к своему принцу без укладки и макияжа?

– Какая разница? Не думаю, что он мне откроет, да и

вдруг его дома не будет?

– Будет. – Она поджимает губы. Её ловкие ручки кружат над моей головой. И прежде чем я успеваю спросить, откуда такая уверенность, она причмокивает: – Твои волосы шикарные. – Нина слишком часто это повторяет. С самого детства утверждает, что завидует мне белой завистью. – Может, если бы я не убила свои краской и утюжком, они не были бы такими сухими и ломкими?

Я пожимаю плечами. Никогда не экспериментировала с волосами. Раньше кончики подравнивала бабушка, а сейчас я не особо о них забочусь. Не стригу и маски делаю только за компанию с Ниной. Точнее, она силком намазывает мои волосы сразу после своих на периодических совместных ночёвках.

Я наотрез отказалась покрывать кудри лаком. Меня не убедило пятиминутное нытьё, что вся работа пойдёт насмарку, стоит только надеть шапку.

– Я не собираюсь вонять дихлофосом!

– Обижаешь, я пользуюсь только качественным продуктом. Он оставляет после себя лёгкий цветочный шлейф. – Нина сделала вид, что и правда обиделась, пока запиховала плойку и лак в хозяйственную (по-другому сложно назвать этот баул) сумку, из которой тут же выскочил целый чемодан с косметикой. Подруга подмигнула мне, когда моя челюсть упала на ковёр: – Я подготовилась.

– Я вижу.

Ещё через полчаса моё лицо сияло, словно наполированное столовое серебро. О чём я, конечно, сообщила Нине.

– Не выдумывай! Макияж естественный, ничуть неяркий. Я просто замазала твои синюшные круги под глазами. Если будешь постоянно дежурить в больнице, то никогда от них не избавишься.

Я закатываю глаза.

– Какая разница, где не спать.

Нина пошла со своей инициативой гораздо дальше. Она решила выбрать мне наряд.

– Ты не забыла, что я всего лишь должна забрать неизвестно что у соседа, а не направляюсь на новогоднюю вечеринку.

– Вот! – Неуёмная подруга выудила из шкафа обтягивающие чёрные лосины и светлую вязаную тунику. – Надевай!

Спорить с ней – лишь оттягивать неизбежное.

– Идеально! – Нина захлопала руками, когда я вышла в зал полностью собранная. Неизвестно для чего.

– Сразу предупреждаю, что не пойду с тобой отмечать новый год! Мне хватило прошлого раза.

– Фу, – она сморщилась, – не напоминай. Нет, думаю, тебе сегодня будет не до меня. – Подруга махнула рукой и направилась к выходу.

Мы молча оделись и вышли на площадку. Я взглянула на соседскую дверь, поджилки сжались, и я тут же шагнула назад.

– Нет, – выдыхаю. – Я не смогу.

– Даже ради подарка от бабушки? – удивилась Нина.
Закусываю губу.

– Что я должна ему сказать? – Паника растянулась внутри мелкой паутинкой.

– Придумаешь по ходу.

Пальцы похолодели.

– Что если он решит, что я чокнутая?

– Так! – строго одёрнула меня Нина. Она схватила меня за предплечье. – Отставить панику! Ты просто спросишь у него, не пришло ли ему что-нибудь для тебя!

– И всё?

– И всё.

Глава 4

POV Лена

Пока мы собирались, точнее, пока Нина собирала меня, зимнее солнце скрылось за горизонтом. И в подъезде опять темно, словно в непроглядном туннеле, где не видно света в конце.

– Ненавижу ваш подъезд. Куда вечно девается лампочка? Я сама лично на прошлой неделе купила и поставила.

– Разбили.

Я собрала осколки и выбросила, пока никто не поранился.

Не закрываю дверь, чтобы хоть что-то видеть. Фонарик взять с собой как-то не успела.

– Ладно, так даже романтичнее будет. – Нина останавли-

вається перед дверью Антона. – Как говорится, темнота – друг молодёжи.

Указательный палец ложится на звонок, Нина хихикает.

– Дерзай, подруга! – Она нажимает, затем разворачивается и сбегает вниз по лестнице, оставив меня один на один с неизвестностью.

Я вскидываю руки к лицу, решая, закрыть глаза или рот. Вместо этого опускаю руки вниз, заламываю пальцы. Не ожидала, что Нина смеется, заварив эту кашу.

Внутри задрезжала каждая клеточка. Живот неприятно стянуло.

Оборачиваюсь на дверь. Ещё не поздно. Могу прямо сейчас скрыться в своей квартире. Притворюсь, что ничего не было. Я никогда не получала никакого письма. Бабушка не подавала мне непонятные сигналы.

Спрячусь в безопасном месте, оставив всё как есть. Антон не узнает, что у меня не все дома. Наше общение ограничится соседскими приветствиями и кивками.

Хотя кто сказал, что должно что-то измениться? Я могу просто задать вопрос и получить на него отрицательный ответ. Вот и всё, как говорится. Ничего сложного.

А позже, под бой курантов, зайду на его страничку, посмотрю на новую фотографию. Возможно, он выложил в социальную сеть, как веселится с друзьями или семьёй в этот праздничный день. В то время как я стою под его дверью. Нарядная, но не нужная.

В голове вихрем проносятся мысли. В своём сознании я уже спряталась в четырёх стенах. Безопасность. Ничего не изменится. Стабильность.

Но ноги продолжают упрямо стоять на месте в ожидании, когда дверь откроется.

Она не двигается целую вечность. Мне так кажется. По моим ощущениям прошли годы. Уже мелькает надежда, что его нет дома. Он далеко.

Сердце замирает, когда глазок загорается жёлтым светом. И хлынуло вниз с потоком воды, как на горке в аквапарке, когда щёлкнул замок, дверь приоткрылась и показалась взлохмаченная голова Антона.

Он смотрит на меня. Его глаза заморгали, словно он не верит, что видит меня, а рот приоткрывается от удивления.

Да, я и сама не верю. Завожу руки за спину, сцепляю окаменевшие пальцы.

– О, привет, – поспешно, будто запыхавшись, выдаёт парень. Его пальцы принимаются активно поправлять волосы, имитируя расчёску, зачёсывая взлохмаченные каштановые пряди назад. Делаю вдох, хочется сказать ему, не делать этого. Он даже так выглядит как мечта.

Высокий. Широкоплечий. Красивый. Немного растрёпанный. С лёгкой щетиной, покрывающей скулы и мужской подборок.

Карие глаза, иногда кажущиеся гораздо темнее. Как, например, сейчас. Густые брови и ресницы. Заострённый нос.

Идеальный изгиб губ: моё сердце сходит с ума каждый раз, когда они двигаются, чтобы поздороваться со мной или подарить мне улыбку.

– Привет, – выдавливаю улыбку, хотя так и хочется сжаться. Вот бы у меня вырос панцирь, как у черепахи. Ногти клацают друг об друга.

Из квартиры Антона льётся свет, как и из моей. Мы оказались на освещённом островке посреди угольного царства. Из-за впечатляющей разницы в росте мне приходится поднимать голову, чтобы вдоволь налюбоваться.

Парень тоже смотрит на меня. Внимательно, и не шевелясь. Сердце трепещет в груди. О чём он думает, глядя на меня? Что видит?

Его рука сжимает ручку двери. Он ждёт. Я нервно дёргаю плечами. Антон хмурится.

– Что-то случилось?

– Нет, – вырываю руку из-за спины, чтобы отрицательно помахать ей перед собой, вторя голове. Затем принимаюсь кивать, словно болванчик: – Эм... то есть да... ничего не случилось, но... – Засасываю губу. – Прости, что беспокою.

Антон наклоняется ко мне, шагнув вперёд.

– Всё в порядке. – Губы едва заметно улыбаются, но глаза тревожно вглядываются в моё лицо. – Я был бы рад, что ты заглянула просто так, но что произошло?

Был бы рад?

Отмахиваюсь от этой фразы. Уверена, это просто вежли-

вость.

– Письмо... бабушка... – выпаливаю я, затем зажмуриваюсь. Неужели так сложно задать простой вопрос? Как там сказала Нина? Фраза звучала довольно просто. Опускаю голову, чтобы не видеть парня. Возможно, так будет проще спросить. Делаю вдох и произношу: – Возможно, что тебе доставили что-то по ошибке. – Несмело смотрю на него, поднимая только глаза, добавляя почти беззвучно: – Для меня.

Антон не двигается. Я уже проклиная и себя, и Нину. Что за дурацкая затея!

Если смущение и страх парализует меня, но паника приводит в совершенно нелепое состояние. Я начинаю тараторить. Что и происходит дальше.

– Я не знаю, что именно, – оправдываюсь. – Может, посылка или письмо. На нём должно быть моё имя. Хотя это не точно. И отправитель – моя бабушка. Хотя это тоже под вопросом. – Сжимаю пальцы в кулаки. *Просто замолчи!* – Блин! Прости, пожалуйста. Звучит безумно. Забудь. Я лучше пойду...

Разворачиваюсь и уже собираюсь рвануть в освещённый прямоугольник, когда Антон выскакивает за порог своей квартиры, чтобы остановить меня, схватив за запястье.

– погоди!

Вязаная ткань вовремя задралась выше, и тёплые пальцы парня обожгли тонкую кожу, под которой бесстыдно забился пульс.

Округляю глаза, уставившись на руку. Бежать уже не хочется. Мне теперь вообще ничего не нужно. Только бы это прикосновение никогда не заканчивалось.

Антон по-своему понимает мою неподвижность. Он тут же одёргивает руку. Сдерживаюсь, чтобы не вздохнуть обречённо. Счастье не может длиться вечно.

– Прости, – теперь уже он извиняется. – Ты просто не дала мне время ответить.

Смущаюсь. Держу пари, щёки мои стали ярче перезрелого помидора, готовящегося лопнуть в любую секунду.

– Не знаю, об этом ли ты говоришь, но я вчера получил письмо. – Антон вытягивает указательный палец. – Сейчас.

Он быстро возвращается в квартиру, чтобы через секунду вернуться ко мне.

– Вот, – сосед протягивает мне конверт, больно уж сильно похожий на тот, что получила я. – На конверте мой адрес, но письмо адресовано точно не мне.

Руки похолодели. Я поёжилась. Кто-то опять раскрыл окно на площадке? Почему так холодно?

Не спрашивая разрешения, я раскрываю обёртку, достаю лист А4.

Глаза мгновенно увлажнились, когда я прочитала первую строчку.

«Ленок, дорогая моя внученька!»

Почерк невозможно спутать.

– Бабуля, – прошептала я. Нина не ошиблась.

«Я никогда в тебе не сомневалась».

Шмыгаю носом. Звучит, как похвала.

– Это письмо тебе? – аккуратно спрашивает Антон, не на-
пирая.

Киваю, снова шумно втягиваю воздух забитым от непро-
литых слёз носом.

*«Но чтобы получить подарок, тебе придётся ещё немно-
го постараться. Без труда не вытащишь и рыбки из пруда.
Следуй этой инструкции, и всё будет хорошо».*

Моргаю. Слёзы сами рассасываются. Я снова перечитала
уже прочитанное, чтобы понять, о чём говорит бабушка.

Какой труд? Какая рыбка? Что ещё за инструкция?

Это точно розыгрыш!

Ниже и впрямь пункты. Мельком прохожусь взглядом. За-
гадки. Мне нужно разгадать загадки, чтобы получить пода-
рок?

Бабушка любила загадки. Она часто составляла свои, по-
сле чего любила наблюдать, как мы с Ниной стараемся их
разгадать.

Не могу поверить!

Прошло пять лет с её смерти, и бабуля предлагает мне по-
играть в угадайку?

POV Антон

Я смотрю на девушку, читающую письмо, и задаюсь во-
просом: не сон ли это?

Я спал. Абсолютно точно уснул после пары рюмок крепкого алкоголя. Имею право. У всех праздник – у меня жопа.

И меня разбудил звонок в дверь. Честно признаться, собирался забить и не открыть. Кто знает, кого там чёрт принёс? Да и злился я: звонок вырвал меня из такого прекрасного сна. Я держал в своих руках тонкие пальчики голубоглазой незнакомки. Она улыбалась мне и лепетала, что скучает.

Но реальность оказалась в миллион раз лучше. Перед моей дверью стояла нимфа с такими яркими глазами, что они рассеивают мрак тёмного подъезда.

Правда сейчас она выглядит как-то иначе. Из-под шапки вместо прямых прядей выглядывают кудряшки. А на лице косметика. Ей очень идёт. Глаза подчёркнуты, а губки розовые и сочные. Но мне больше нравится естественная красота Лены.

Я должен был пригласить её войти. Вместо этого устоялся на неё, как баран на новые ворота.

Она что-то сказала о письме. И Марио ударил меня по голове огромной кувалдой. Если я дотронусь до макушки, то нащупаю вытянувшуюся шишку, как в смешных мультиках.

Конечно, это письмо для неё! Даже если это было не так, то попытаться стоило.

Сейчас, глядя на то, как она дрожащими руками разворачивает конверт, а глаза заблестели лазурными бриллиантами, стоило ей начать читать, я корил себя за трусость. Для меня оно показалось бессмыслицей, но для неё, вероятно,

был смысл.

Мои пальцы приятно онемели после прикосновения к атласной коже. А грудь словно наполнили крылатые создания. Я не мог отвести от неё глаз. Мне не нужно ни спать, ни есть, я хочу просто любоваться нимфой, которой грежу наяву и вижу во снах.

Она прикрывает изумительные глаза, задумавшись, а я подхожу ближе. Я хочу вновь поймать её взгляд, хочу, чтобы она смотрела на меня.

Нужно быть полным идиотом, что не понять, это мой шанс. И я не собираюсь его упускать. Пусть она отошлёт меня, я выдержу. Но не попытаться не могу.

– Прости, что не занёс его вчера.

Лена распахивает глаза, и я снова загипнотизирован.

– Оу, – её пухлые губки складываются в колечко, – всё хорошо. Ты ведь не мог знать.

– Я мог догадаться. – Качаю головой. – Точнее, я догадался, но не был уверен, ведь...

– Моя бабушка умерла, – заканчивает она за меня. – Понимаю. – Появившаяся улыбка становится грустной, немного вялой. – Хотя нет, я сама ничего не понимаю. Моя бабушка была...

Девушка закусывает щёку, раздумывая, как точнее объяснить. Настаёт моя очередь подсказать ей:

– Гадалкой?

Лена удивлённо моргает.

– Можно и так сказать. Она гадала, лечила и утверждала, что видит будущее.

Киваю.

– Да, я слышал.

– Где? – Лена дотрагивается до рта тыльной стороной ладони. – А, – догадка осеняет её, – баба Шура?

Улыбаюсь:

– И баба Лариса.

– Точно.

Она вдруг рассмеялась, а меня словно в грудь ударили. Чистый мягкий звук поразил меня гораздо сильнее, чем письмо от покойной бабушки.

Но смех затихает так же неожиданно, как и начинается. Мне вдруг хочется сделать или сказать что-нибудь забавное, чтобы рассмешить её вновь. Не успеваю.

– Ну, – Лена сворачивает лист, затем косится на дверь своей квартиры, – ладно. Спасибо тебе за письмо. Больше не буду тебя отвлекать.

– Подожди! – порываюсь снова схватить её за руку, но останавливаю себя. Я же не хочу её напугать. Шестерёнки в голове завертелись со скрежетом, стараясь в срочном порядке придумать, как её задержать. – О каком подарке говорится в письме? И что это за загадки?

– Ах, это, – Лена опустила глаза на свои меховые сапожки. – Пока сама не поняла. Но вроде бы я должна разгадать загадки, чтобы получить новогодний подарок.

– Круто, – искренне говорю я. – И сейчас ты будешь разгадывать загадки?

Лена невесело вздыхает.

– Если хочу получить подарок.

Она должна его получить. Всего-то нужно отгадать парочку загадок.

– Могу я тебе помочь?

– С чем?

Девушка задирает голову, чтобы посмотреть на меня.

– С загадками.

Глава 5

POV Лена

Хватает пары секунд, чтобы понять: Антон не шутит. Я закусываю губу, не в силах сформулировать ответ.

Собственно, ничего нового.

Я даже моргнуть не решаюсь. За последние пять минут я сказала ему больше, чем за пять лет. Так странно. И мне это нравится.

А ещё мне нравится, что он так близко. Как-то само собой опускаю глаза, чтобы взглянуть на его губы. Они, наверняка, мягкие. Немного покусанные. Но от этого они не выглядят хуже. Наоборот. Более человечно. Словно Антон не божество, на которое я молюсь, а соседский парень, временами пожёвывающий нижнюю губу.

Антон не двигается. Он отвечает на мой взгляд, исследуя

моё лицо. Становится неловко. Пресловутые бабочки устраивают хоровод в животе, щекоча стенки.

– Я очень хорош в решении задачек. – Его голос ласкает мой слух. В моём окружении не так уж много мужчин. В основном, это доктора в больнице. Они говорят слишком громко и резко, напоминая раскат грома. Так и хочется закрыть уши. Я боюсь грозы. Но голос Антона представляется шумом волны, мягко забегающей на берег и плавно отступающей в морские глубины.

– Не думаю, что это будет интересно, – бурчу я себе под нос. Смушение сжимает лёгкие.

– Я ведь сам предлагаю. – Сосед тянется за письмом в моих руках. Я разжимаю пальцы, позволив ему забрать его. – Давай глянем, что там. – Антон улыбается, раскрывая лист. – Признаться, я вчера прочитал письмо, но ничего не понял, а вдаваться не стал.

Парень подходит к своей двери, наклоняет лист так, чтобы на него попало больше света.

– *«В этом предмете можно принести с собой утро в сосновом бору, звёздную ночь и восходящее солнце, прилетевших грачей, чёрный квадрат, Мона Лизу и даже девочку с персиками»*, – прочитал он первую загадку, после чего обернулся ко мне. – Это легко.

Я киваю. Да, легче лёгкого.

– Это всё картины, – несмело предлагаю, продолжая стесняться. Бабушка поставила меня в абсурдную ситуацию.

– Сто пудово, – соглашается Антон. – Картина. – Парень вглядывается в письмо. – В этом пункте ещё одна загадка. – *«Только будь внимательна! Оно всё знает, тайны хранит. С детства каждого помнит, но о том, что человек изменился, никогда не напомнит».* Есть идеи?

Не замечаю, как сдвигаю брови и подношу палец к губам, чтобы провести по ним слегка отросшим ногтем.

– Нет, – честно признаюсь. Забираю у Антона лист, чтобы прочитать самостоятельно. На слух я плохо воспринимаю. Память больше зрительная. Пытаюсь представить картинку этого предмета. Хотя, возможно, что это и не предмет вовсе. Парень останавливается позади меня. Я задерживаю дыхание. – А у тебя есть идеи?

На доли секунды мне кажется, что сейчас он обнимет меня, прижмётся грудью к моей спине. Но парень просто выдыхает, всколыхнув волосы:

– Я думаю, что это зеркало.

– Зеркало? – прищуриваюсь. – Точно. Но...

– У тебя дома есть картины и зеркало? Может, зеркальная картина?

Картина. Зеркало. Что ещё за зеркальная картина? Пытаюсь представить, но вместо этого слишком остро чувствую тепло за своей спиной. Близость, о которой я даже не смела мечтать.

Врунишка.

Только об этом я и мечтала.

Стараюсь как можно тише прочистить горло, чтобы не издать мышинный писк.

– Зеркало есть, а вот картин нет. Ни одной.

Отхожу вперёд, чтобы не отвлекаться на Антона. Как будто это возможно, когда он стоит в радиусе одного метра.

– Картина и зеркало, – проговариваю тихо. Хрущу суставами кисти. Если бы бабушка это увидела, она бы треснула мне по рукам. – Как это связано?

Антон задумчиво жуёт губу. Теперь я знаю, как на ней появляются ранки.

– Бинго! – парень неожиданно щёлкает пальцами, отчего залюбовавшаяся я подскакиваю на месте. – А что если твоя бабушка подготовила тебе не просто загадки, а квест?

– Квест? – превращаюсь в эхо.

– Ага, городская игра. Нужно разгадать загадку, найти место, в котором зашифровано следующее место. И так пока не доберёшься до финиша.

Рот открывается, поддаваясь силе земного притяжения. Поверить не могу!

Он замечает, что я таращусь на него.

– Ну, типа поиска сокровищ.

– Я знаю, что такое квест. Просто пытаюсь понять, зачем моей бабушке приспичило устраивать мне гонку за подарком к концу года?

Вопросительно смотрю на письмо, словно бабуля лично вылезет из него, чтобы ответить на мой вопрос.

Антон пожимает плечами:

– Не узнаешь, пока не дойдёшь до конца. – Он почесал затылок. – Так. Ответ на первую загадку – картина. У тебя дома нет картин. Значит, нам нужно место, где они есть.

– В галерее, – вырывается у меня.

– Точно!

– Но у нас в городе нет галереи.

– Нет, – он задумывается, – галереи нет. Хотя...

Антон забегает в свою квартиру, хватая что-то в тумбочки.

– Вот, – протягивает он мне рекламный флаер, вернувшись в подъезд. – На прошлой неделе кинули в почтовый ящик вместе с газетами.

– Мне тоже, – вспоминаю, перевернув цветастый листок, – но я его выбросила.

– Хорошо, что я складываю всё в общую кучу и отправляю родителям для растопки бани.

В груди маленьким огоньком зажглась надежда. Вдруг у меня всё же получится получить бабушкин подарок?

Читаю информацию на флаере. Выставка *«Родные просторы. Шедевры пейзажной живописи второй половины XIX века»*. Вижу даты.

– Разве она ещё не закрылась?

Роняю плечи. Я опоздала.

– Сегодня последний день.

Достаю телефон, чтобы посмотреть на время.

– Да, но уже почти шесть часов. – Прикидываю, сколько нужно времени, чтобы добраться по адресу. – И сегодня ведь праздничный день.

Антон чертыхается. Его волосы снова в беспорядке.

– Тогда нужно спешить! Я сейчас!

Я даже моргнуть не успела. Вот парень стоял передо мной, а вот уже в своей прихожей натягивает на себя чёрное пальто.

– Что... – Я опешила, когда он вышел, закрыл дверь и воткнул ключ в замочную скважину. – Что ты делаешь?

– Не стой, закрывай дверь и пошли! – командует он, полный решимости.

– К-куда? – квакнула я.

– На выставку. – Густые брови приподнимаются. – Что не так?

– Тебе не обязательно идти со мной. – Переминаюсь с ноги на ногу.

– Ты не хочешь, чтобы я пошёл с тобой?

Лицо Антона мрачнеет. Чувствую себя виноватой. Меня оправдывает только то, что я не ожидала такого поворота. Была бы здесь Нина, она бы отвесила мне подзатыльник. Ещё бы! Парень, который так долго мне нравится, собирается помочь мне пройти бабушкин квест, а я даю заднюю.

– Нет, конечно, нет. Просто сейчас вечер 31 декабря, – торопливо объясняю я. – Разве ты не должен проводить время с друзьями или семьёй?

Парень смотрит куда-то в сторону.

– Я сегодня предоставлен сам себе.

– Один в Новый год? – недоверчиво спрашиваю. Конечно, он дома и один, но это не значит, что никуда не собирается.

– Да, так вышло, а ты? Куда-то спешишь?

Отрицательно мотаю головой.

– Тогда давай соберём это пазл вместе? – Антон прячет ключи в карман пальто, затем останавливается напротив меня. Я поднимаю голову. При таком освещении глаза парня кажутся почти чёрными. – Одна голова хорошо, а две гораздо лучше.

– Хорошо, – глаза заскользили по его лицу, останавливаясь на оголённой шее. – А ты не замёрзнешь? На улице мороз.

– Я закалённый, – самоуверенно хмыкает Антон.

– Одну минуту!

Волнение даёт о себе знать. Запинаюсь о порог и едва не улетаю в свою квартиру. С трудом удаётся остаться в вертикальном положении. Краска стыда покрывает щёки и шею.

В сапогах забегаю в зал, достаю из коробки взрослый мужской шарф, который я связала неделю назад, сама не знаю зачем. Я думала об Антоне, но даже представить не могла, что действительно отдам ему.

И уже выйдя из квартиры, я замираю в нерешительности.

– Вот, – протягиваю вязаное изделие парню.

Я поёжилась под его взглядом. Он смотрел на шарф, казалось, даже не мигая.

– Это мне?

– Я не хочу, чтобы ты замёрз, помогая мне, – признаюсь, затем стеснительно провожу указательным пальцем по верхней губе. – Ничего особенного, но он тёплый. – Антон продолжает пялиться и молчит. Я прижимаю шарф к себе, готовясь провалиться под землю от неловкости момента. Почему я не подумала, что ему может не понравиться? Да и зачем ему шарф, связанный соседской девчонкой? – Если тебе не нравится, то...

– Нет! – Парень хватается за шарф и почти вырывает его из моих рук. – Мне очень нравится! – Пожамкав его пальцами, он обернул шарф вокруг своей шеи, оставляя концы на плечах. – Правда тёплый и очень мягкий. – Антон искренне улыбается, произнося: – Спасибо.

Я же скрываю улыбку, поджав губы.

Мне вновь приходится возвращаться в квартиру, чтобы забрать свой рюкзак и ключи. Закрываю дверь, затем мы спускаемся вниз.

POV Антон

Мы вышли на улицу. Я выдохнул паровое облачко. Мороз и правда крепчал. Втягиваю шею в плечи, утыкаюсь носом в подаренный шарф.

Лена подарила мне шарф, который сама связала. Упасть в сугроб и не встать. Я чуть в обморок не грохнулся, когда она вот так запросто протянула его мне, сказав, что в этом

нет ничего особенного. Но для меня это невероятно. Я едва сдержался, чтобы не броситься к ней с объятиями.

Вдыхаю аромат лаванды. Глаза прикрываются от удовольствия. Никогда его не сниму, и стирать не буду.

Выпрямляюсь, говоря себе, что сейчас не время расслабляться. Полчаса назад я тешил себя иллюзией, что когда-нибудь буду с ней. И вот я рядом с голубоглазой богиней. На шее её подарок. А в груди приятное тепло. Шарф греет не только шею, но и сердце.

Я тоже подготовил подарок для Лены. Но мне показалось, что ещё не время дарить его. Она бы отказалась, ведь даже разговор пока даётся с трудом, а помощь мою приняла без энтузиазма и с опаской. Ей неловко рядом со мной, она нервничает.

Чёрт, я тоже волнуюсь, не зная, как вести себя с ней. Одно ясно, напор лишь напугает маленькую скромную девочку, заставив спрятаться в ракушку.

У нас намечается увлекательное путешествие. Оно будет таким в любом случае, ведь я проведу вечер в её компании. Главное – не спугнуть. Мне выпал шанс, как козырь в «Дураке», и я сделаю всё, чтобы его не упустить.

Нам нужно добраться до выставки. Хлопаю по куртке, чтобы убедиться, что впопыхах не забыл ключ-карту от машины. Как же хорошо, что я не успел бахнуть стопку текилы. Хотел, но мне словно что-то остановило.

– Поедем на автобусе? – спрашивает Лена, не оборачива-

ясь.

– Нет, – обгоняю её, показываю на свою припаркованную машину. – Так быстрее и гораздо удобнее.

– Но... – начинает возражать Лена, останавливается, затем согласно кивает: – Быстрее.

Мы подходим к моей новенькой Mazda 6. Подарок родителей. Я, конечно, стараюсь и учиться, и работать, но на машину пока не заработал. Хотя на шее у них не сижу и обслуживаю автомобиль самостоятельно.

Лена в нерешительности замирает перед дверью. Улыбаюсь уголком губ. Эта девочка так отличается от тех, кого я знаю. Обычно девчонки сами просят покатать их.

Я забираюсь внутрь, опускаю стекло с пассажирской стороны.

– Поехали уже, времени мало.

Лена спохватывается, аккуратно садится, не оглядываясь по сторонам. Она разворачивает письмо и принимается его читать. Ещё раз.

Я ничего не говорю, чтобы не мешать. Занимаюсь своим делом: везу нас к зданию, в котором проходит выставка. Стараюсь при этом выглядеть не слишком довольным тем фактом, что Лена в моей машине, на расстоянии вытянутой руки от меня.

Мы быстро добираемся до места назначения. Лена убирает письмо в рюкзак, выходит из машины первой. Я закрываю автомобиль и спешу за тонкой фигуркой.

Выставка расположилась на первом этаже городского музея. Фонари вокруг ярко светятся, а гирлянды красиво украшают вход. В здании горит свет.

Достаю телефон, чтобы узнать время. До шести еще десять минут. Успели.

Лена дёргает за большую деревянную ручку ещё более громоздкой двери. Она не поддаётся. Но это не останавливает девчонку. Я открыл рот, чтобы предложить... уже неважно, потому что Лена принялась тарабанить в дверь. Мне оставалось только уставиться на неё и ждать.

Ожидание не продлилось долго. Дверь распахнулась, и на пороге появился пузатый охранник с короткой козлиной бородкой.

– Здрав...

Лена не успевает договорить, её перебивает охранник.

– Чего стучать? Читать, что ли, не умеете? – Он сразу принялся выплёскивать своё недовольство. Видимо, мы оторвали его от очень важного занятия – поедания новогодних салатов. – Закрыто уже! Чего вам дома не сидится? Послезавтра приходите!

– Мы всего на минуту, – миролюбиво говорю я. – Нам срочно нужно кое-что посмотреть.

– Чё глухой? – гремит охранник. – Сказал же, закрыто!

Тянусь в карман за бумажником. Достаю пару купюр. Деньги – отличный мотиватор.

Но не в этот раз. Пухлое лицо охранника побагровело.

– Пошли отсюда! – Закипел, словно чайник на плите. Из ушей в любую секунду пар повалит. – Я сейчас полицию вызову!

Лена испуганно шагнул назад. Я вытянул руку, чтобы схватить её за локоть и подтащить к себе, после чего спрятал за свою спину.

– Шарахаются тут всякие! – орёт мужик. – Пранкеры! Хейтеры! – Он явно не понимает, о чём говорит. – Пьяная шпана! Где ваша камера?

Я медленно двинулся назад, стараясь не затоптать Лену.

– Мы уходим, уходим, – пытаюсь его утихомирить, а то и правда полиция приедет. Только обезьянника в новогоднюю ночь не хватало.

Разворачиваюсь, беру побледневшую Лену за руку. Тепло заструилось под кожей. Жду пару секунд, когда она оттолкнёт меня. Вместо этого девушка сжимает мою руку. Закусываю губу. Невероятно.

Она не сопротивляется, позволяя мне подвести её обратно к машине. Открываю дверь, усаживаю её, затем занимаю водительское место.

– Всё пропало, – хрипло выдыхает она, затем шмыгает носом.

– Ничего ещё не пропало, – успокаиваю я, хотя сам в этом не уверен. Кристально-голубые глаза блестят, наполняясь бусинками слёз. – Эй, – касаюсь её руки, – мы сейчас что-нибудь придумаем.

– Что, например?

– Твоя бабушка ведь была ясновидящей, значит, она предвидела такой расклад. И знала, что мы найдём способ попасть внутрь.

– Мы же не можем вломиться туда. – Лена обречённо вздыхает, но искра заинтересованности прогоняет нахлынувшие слёзы.

– Нет, там сигнализация.

Скольжу взглядом по зданию, словно опытный взломщик. Сбоку мелькает будка с фейерверками. Я замираю, а в голове зажигается красная лампочка.

Губы растягиваются в широкой улыбке.

– Я кое-что придумал, – дольно сообщаю, заводя машину. – Придётся немного прокатиться. – Беру телефон, набираю номер приятеля. – Алло, Сом, ты на работе?

Глава 6

POV Лена

– Как поход за покупками поможет нам попасть в музей? – подаю голос, стоит нам оказаться на территории торгового центра.

– Смотря, что купить, – Антон подмигивает мне, затем сворачивает в сторону, не доходя до главного входа.

Я ничего не понимаю, но за парнем слеую. В машине я на всякий случай в сотый раз прочитала письмо. Может, бабушка оставила малюсенькую подсказку. Но моя любимая упря-

мая старушка немногословна.

Даже если мы войдём в здание, что будем делать дальше?
Картина и зеркало. Как они связаны?

На выставке десятки картин. Какая верная?

Задумавшись поздно замечаю, что Антон снова свернул.

Резко меняю траекторию, смотря под ноги, чтобы не упасть на скользкой плитке. И вместо приземления на пятую точку, я врезаюсь в компанию парней, кучкующихся сбоку от торгового центра.

Ойкаю, пошатнувшись.

Парни уставились на меня, а я замешкала, оглядываясь.

– Привет, голубоглазка, – улыбается мне один из них.

Моргаю. Светлые волосы, темные глаза. Кривые зубы. И сигареты во рту. – Смотреть надо, куда идёшь. А то забредёшь в медвежью берлогу и не заметишь.

– Медведь будет рад, – хохотнул другой парнишка.

Они загоготали над нелепой шуткой. Я сдвигаю брови, но вступать в диалог не собираюсь. Шагаю в сторону, чтобы обойти компашку, но шутник решил преградить мне дорогу. Делаю ещё одну попытку, он зеркально отражает мои жалкие движения.

– Куда спешишь, симпотяшка? Постой с нами.

– Мы тебя не укусим.

– Он кусается!

– Новый год же!

– А глазки-то красивые!

Парни нависают надо мной. Стараюсь не паниковать, но по спине спускается холодок.

– Лена?

От облегчения мышцы сразу расслабляются. Поворачиваю голову на знакомый голос. Ко мне подходит Антон. Видимо, он заметил, что я больше не иду за ним. Его рука обхватывает мою, переплетая наши пальцы. Я благодарно сжимаю свои костяшки.

Антон же зыркнул на парней, угрожающе кляцнув зубами. У них сразу отпало желание смеяться или издеваться над слабой девушкой. Я замерла, надеясь, что не стану причиной потасовки.

– Поняли, бро, не кипишуй, – кивает парень, до этого не сказавший ни слова. – Парни выпили, а девчонка симпатичная, да и сама налетела.

– Мы спешим, – тихо напоминаю.

Антон посмотрел на меня сверху вниз. Карие глаза соперничают цветом с ночным небом над нашими головами.

– Пойдём, – тянет он меня за руку, я выдыхаю. – Не буду больше отпускать твою руку: нельзя тебя одну оставлять, – говорит, когда мы отошли на пару метров.

Отворачиваюсь, чтобы Антон не увидел мою довольную улыбку. Я вовсе не против, чтобы он держал меня за руку. Его рука тёплая и по-мужски крепкая. Я уже молчу о трепете, который охватывает меня при соприкосновении с его кожей.

– Антон, ё-маё! – кричит высокий худощавый парнишка из будки, состоящей из сплошных окон. Их к новому году собрали по всему городу для продажи салютов, фейерверков, бенгальских огней и ненавистных петард.

Я подскакиваю каждый раз, когда какой-нибудь мальчишка бросает их под ноги. Нине в прошлом году сапог прожгли. Она оттаскала за ухо этого шкодника.

Парень машет нам. Только подойдя ближе, замечаю новогоднюю розовую мишуру, обмотанную вокруг его шеи. Выглядит мило, хотя кучка пьяных дураков могли бы докопаться до него. Но ведь сегодня всё можно списать на праздник.

– Сколько тебя можно ждать? Я уже полчаса как должен был свалить!

– Успеешь ещё напиться, – усмехается сосед, на несколько секунд отпуская мою руку, чтобы поздороваться с другом, после чего тут же возвращается. – Лена, это Никита, – представляет он парнишку.

– Зови меня Сом, – хихикает он, заинтересованно уставившись на наши сплетённые руки.

– Сом? – подозрительно переспрашиваю.

– Сомов по фамилии, – делает шутливый поклон, – поэтому и прозвали так.

– Шут ты, гороховый, – смеётся Антон.

– М-м-м, – выдаю я, теперь понятно.

– А ты, значит, Лена? – Меня пристально оглядывают. Сом щурится, словно у него плохое зрение: – Соседка, что

ли?

Воздух резко вырывается из лёгких:

– Откуда ты знаешь?

– Да так, – Сом закатывает глаза. Антон шикает на него. –
Догадливый я, чего уж там?

Это не объяснение. Но Антон спешно переводит тему, рассказывая другу, зачем мы, собственно, пожаловали к нему.

Ставлю галочку в воображаемом списке дел: поблагодарить Антона, что не упомянул письмо от покойной бабушки. Если будем говорить об этом, то ещё в сумасшедший дом определяют.

– И зачем вам нужно забраться в музей? – Брови Сома взлетают так высоко, что прячутся за его торчащей чёлкой.

– Новогодний квест, – Антон разводит руками.

М-да, эта версия не намного лучше.

– Бросайте эту затею! – Никита стучит рукой по прилавку. – Поехали лучше к Стасу! Там все наши собираются. Гуляем до утра!

Чувствую себя виноватой. Антон мог бы веселиться с друзьями. А вместо этого он возится со мной, строя планы, как пробраться на закрытую выставку.

Делаю вдох, чтобы сказать ему, что справлюсь сама. Хотя одному богу известно, как я это сделаю. А он может присоединиться к своим друзьям.

– Нет, – уже говорит сосед, пока я набиралась храбрости. –

Я не хочу к Стасу. Мне нужно в музей.

Сом морщится.

– А я-то тебе чем могу помочь?

Антон обводит будку пальцем.

– Отвлекающий манёвр. Помнишь, как близнецы из «Гарри Поттера» сорвали экзамен Амбридж?

– Чего? – Сом вылупился, словно сушёная рыба. Думаю, я выгляжу точно также.

Гарри Поттер? Что, серьезно?

Момент из фильма всплывает в памяти. Мощный взрыв фейерверков и обугленное лицо профессора. Не могу представить, как это можно воплотить в реальности.

– Там охранник – идиот, – поясняет сосед. – Нам всего-то нужно выманить его из музея, отвлечь. И, вуаля, мы внутри. Быстро решаем загадку и выбираемся.

– Ты чокнулся? – вскрикнул Сом. – Я сроду на такое не подпишусь!

Не могу его винить. Сама бы я вряд ли согласилась. А вот Нина бы рванула вперёд, прокричав боевой клич.

– Сом... – Антон качнул головой в сторону. Никита недовольно поджимает губы.

Парни отходят, чтобы поговорить без моих ушей. Я не протестую. Решаю оглядеться.

Смотрю на витрины. Как много различных коробочек, трубочек.

Ничего себе! Вот это цены.

Ни разу не покупала фейерверк, только наблюдала с окна, как они причудливыми искрами освещают небо и оглушают двор.

Не думала, что они столько стоят. Да я столько за месяц зарабатываю, сутками дежуря в больнице. Неужели люди готовы отдавать такие деньги за пару световых вспышек?

Поднимаю глаза выше. Ого! А столько даже за полгода не заработаю.

Антон что-то говорит, Сом молча слушает, не пытаюсь возразить.

Выглядываю в окно. По улице ещё снуют туда-сюда люди. Не все сидят дома перед телевизорами. Подношу руки к лицу, потираю немного обветренные щёки, но прекращаю, вспомнив, что на моём лице слой тонального крема и пудры. Фу, какая гадость.

– Чёрт с тобой! – громко вздыхает Сом. – Только ты мой должник! Если я когда-нибудь приду к тебе с сумасшедшей просьбой, только попробуй мне отказать!

– Замётано. – Озорная улыбка делает и без того красивое лицо Антона неотразимым. Далее следует короткое крепкое мужское объятие.

Сом подходит к рабочему месту. Потирает руки, доставая из-под прилавка чёрные коробочки.

– Какое хочешь представление?

– На твой вкус. – Сосед останавливается возле меня, чтобы заключить мою руку в тёплый плен. Улыбаюсь ему. –

Главное, чтобы было громко.

Глава 7

POV Антон

Это должно сработать. Любую часть тела на отсечение. Гарри Поттер плохого не посоветует.

Сом выбрал хорошие игрушки, которые точно выманят нашего несговорчивого *хранителя* музея. Лена затаив дыхание наблюдала за упаковкой коробок. Она что-то пискнула про стоимость такого шоу. Об этом точно не нужно переживать. Я ободряюще ей улыбнулся.

– У нас хорошая скидка, правда, Сом?

– По гроб жизни будешь должен! – пыхтит друг.

Смеюсь, меня вовсе не пугает такая задолженность. Чего нельзя сказать о Лене. Она опускает голову, скользя носком сапога по полу, залитому водой от растаявшего снега: покупатели натаскали за целый день.

Делаю глубокий вдох. Не могу сказать ей, что всё готов отдать за то, чтобы и дальше держать её руку. Такую маленькую и мягкую.

Я жутко разозлился, когда увидел, что к ней пристала кучка идиотов. Сердце сжалось. Она казалась такой беззащитной, что сразу захотелось схватиться за доспехи или плащ, чтобы стать для неё рыцарем или супергероем. Кто ей больше придётся по душе?

Загружаем фейерверк в машину. Толкаю Сому, когда он

пытается запрыгнуть на переднее пассажирское кресло. Никита театрально закатывает глаза.

– Вот так всегда. Появляется девушка, и, друг, проваливай на заднее сиденье. – Приподнимаю брови. – Да, понял я, понял, – понижает голос, чтобы слышал только я: – Большая любовь, и все такое.

Сом знает, на ком я заиклен. Долго уговаривать его не пришлось. Он сразу смекнул, что к чему. Я просто сделал акцент, что это мой шанс. Скорее всего, единственный.

Всю дорогу до музея поглядываю на девушку. Она нервно ерзает на сиденье, искусав губы до крови. Тянусь к её руке, пока она себе ноготь не отковыряла.

Лена вздрагивает, но посмотрев на меня, расслабляется. Подбадриваю кивком. Хочется прижать её кисть ко рту, нежно поцеловать каждый пальчик. Но вместо этого я переплетаю пальцы над рычагом переключения передач.

– Во дела-а-а, – присвистывает Сом над ухом. Я и забыл, что он там.

– Приехали.

Лена выглядывает в окно.

– Но до музея ещё метров пятьсот.

Собираюсь отшутиться, но Сом опережает меня:

– Машину нельзя светить. Вдруг менты вычислят нас по этому ведру с гайками?

Чертыхаюсь, не обращая внимания на поношение моей машины. Лена побледнела. Нижняя губа задрожала:

– Мы не должны этого делать. Это нарушение закона.

Поворачиваюсь к ней. В голубых глазах плещутся тревожные искорки. Бросаю быстрый укоризненный взгляд на Сома. Понимая намёк, друг выходит из машины.

Я наклоняюсь к взволнованной девушке.

– А как же письмо бабушки? Твой подарок?

– Вы не должны так рисковать. Что если вас правда поймают?

Она не противится, когда, осмелев, стаскиваю с неё вязаную шапочку. Темные кудри обрамили лицо в форме сердечка. А короткие волоски распушились, окружая голову электрическим ореолом.

Ей не нужны румяна. Она мило краснеет. Я подхватываю волнистую прядь.

– Нас не поймают.

– Ты не можешь быть уверен.

Заправляю прядку за ушко, замечаю сережки-гвоздики с голубыми камушками. Такими же яркими, как и её глаза.

– Всё пройдёт хорошо. – Прикоснувшись к ней, не могу остановиться, а Лена не отталкивает меня. Провожу подушечкой большого пальца по раковине её ушка. Затем и во все опускаю ладонь на алеющую щёчку. Такая нежная. Под кожу пробираются мурашки. – Мы зайдём, решим задачу и выйдем.

– Точно? – Взмах ресниц, и я пропал. Даже если бы уже не был влюблён по уши, втюрился бы здесь и сейчас.

– Доверься мне, – прошептал, приблизившись к её лицу. – Можешь?

Задерживаю дыхание, ожидая ответ. Лена открывает рот, но не издаёт ни звука. Я жду, что она отшатнётся или пошлёт меня куда подальше. Но девушка сглатывает и выдыхает также тихо:

– Да.

Время идёт. Слышу, как тикают невидимые часы, а стрелки ускоренно забегали. Я глотаю воздух медленными глотками, чтобы не разрушить этот момент. Господи, пусть он продлится ещё чуть-чуть.

Шарахаюсь назад, когда в окно стукнули. Всевышний меня не слышал, раз послал мне такого друга.

Вздыхаю, выхожу из машины. Лена надевает шапку и присоединяется к нам у багажника. Протягиваю ей маску. Надеваю на своё лицо. Никита уже спрятался за своей фирменной маской.

Радуюсь, что в нашей действительности никто не удивляется людям в чёрных масках. Пандемия, все дела.

Достаём ящики и широкими шагами направляемся к музею. Помогаю Сому расставлять фейерверк по всей территории. Спереди, чтобы нам удалось войти и позади, чтобы выйти.

– Слишком близко, – волнуется Лена. – Что если заденет здание?

– Вероятность есть, – соглашается Сом, – но надеемся, что

этого не случится. Но у охранника жопа должна ой как загореться.

Никита хихикает. Адреналин начинает зажигаться в крови.

Он занимает свою позицию. Мы с Леной подходим к музею сбоку.

– Готова? – Мой голос звучит глухо из-за маски. Сильно сжимаю её руку. Девушка мотает головой, её хватка усиливается. – Сделаем это!

Машу рукой, давая старт операции *«Проникновение без взлома»*.

– Да начнётся шоу! – орёт Сом. Ему, в отличие от нас, не просто можно привлекать внимание, а даже нужно.

Выглядываю, чтобы увидеть, как друг поджигает фитиль.

– Ш-ш-ш-ш, – искры фонтаном вырываются из коробки.

Затем слышится характерный свист – заряды подлетают в воздух один за другим.

– Ба-бах! Ба-бах! – Тишина взрывается от оглушительных звуков. Небо озаряется разноцветными вспышками.

– Как красиво, – говорит Лена, выглядывая из-за моей спины.

Из музея никто не выходит.

Мало.

Подаю знак Сому.

– Да, чёрт возьми! – Друг не на шутку разыгрался. Думаю, продавать салют не так весело, как подрывать его в центре

города. – Атомная бомба, твоё время пришло!

В ход пошла самая крупная чёрная коробка, на которой нарисованы череп и кости. Никита поджигает фитиль. Отбегает на расстояние. Не знаю, к чему готовиться.

Но к такому и не подготовишься. Близнецы Уизли точно бы одобрили.

Звук от этой штуковины в несколько раз громче, чем от предыдущей. Лена закрывается уши, когда свист режет, но уже в следующую секунду моя челюсть отваливается, а барабанные перепонки взрываются.

Девушка вскрикивает. Я прижимаю её к себе, обвив талию рукой.

Запрокидываем головы, чтобы увидеть, как по небу расползается огромный оранжево-красный шар, а с центра спускается ножка. Задыхаюсь от ужаса. Над нашими головами разрастается гриб, как при взрыве атомной бомбы.

Восхищает, завораживает, но и пугает до чёртиков.

Конечно, такое шоу уж точно не осталось без внимания. Мимо проходящие люди замерли, с шоком на лицах. Дверь музея щёлкнула, и из здания выскочил разъярённый медведь-охранник. Он, не закрыв дверь, бросился к Никите, глядя на небо и выкрикивая нецензурные ругательства.

Атомный гриб постепенно развеивается, но леденящее чувство не покидает тело. Никита же отбегает в сторону, поджигая следующую игрушку. Меньших масштабов.

– Пошли! Быстро! – команду я, видя, что охранник пол-

ностью зациклен на Соме, а на музей даже не смотрит.

Хватаю её за руку и почти втаскиваю в здание. На входе не темно. Зауток охранника ярко освещён. Телевизор шумит, передаёт новогодний парад звёзд. На столе пластиковые контейнеры с салатами, бутылка водки и прозрачный стаканчик.

– А он тут веселится по полной, – шучу я, но Лена не отвечает. Её глаза прыгают, словно зайчики.

Достаю телефон, включаю фонарик. Проходим вглубь. Выставку долго искать не пришлось. Она сразу за коридором, в первом зале.

Освещаю картины. Их много.

– Какая нам нужна? – Приспускаю маску, оборачиваясь к Лене.

– Не знаю.

Нужно пробежать по залу, освещая все картины подряд. Лена тоже включает фонарик. Разделяемся.

– Может, должно быть нарисовано зеркало? – предлагаю я.

– Может, и так.

– Есть что-нибудь знакомое?

Мы обошли весь зал, но взгляд не зацепился ни за одну картину. Ничего особенного. Много природы и какой-то антиквариат.

– Может, мы ошиблись? – Лена нервничает. Время щекочет натянутые струной нервы.

Мой телефон пиликает. Чертыхаюсь, хватаясь за голову.

– Сом говорит, что охранник выдохся.

Стоит мне это сказать, как дверь заскрипела, и в музей ввалился запыхавшийся охранник. Его дыхание соперничает по громкости с салютом. Меньше нужно жрать салаты, а больше двигаться. Он кашляет, хрипит и матерится так, что уши вянут. Если перевести кратко, то все мы уроды.

Убираю фонарик, смотрю на Лену. Её можно принять за музейный экспонат. Но фонарик светит прямо в проход. Как только это чудище подберёт свои лёгкие с пола, он может заметить.

Медленно и бесшумно передвигаю ногами, чтобы добраться до красивой *статуи*. Оказываюсь возле неё. Она поднимает на меня глаза, явно задаваясь вопросом, что нам теперь делать. Я тянусь к её телефону, чтобы выключить освещение, которое может нас выдать.

Опускаю голову, приподнимаю её шапочку, чтобы коснуться губами ушей и выдохнуть:

– Не паникуй.

Нам нужно где-то затаиться, чтобы написать Никите. Только он может нас вытащить.

Свет проникает с арки, выходящей в холл, прямиком к охраннику.

Позади нас есть небольшой закуток, до которого мы не добрались. Идеальное убежище. Показываю на него пальцем. Глаза немного привыкают к темноте. Я начинают различать силуэты.

Мягко подталкиваю Лену в угол. Но она задевает носком сапога ножку раритетной тумбы. Морщусь.

Шум тут же заинтересовал доблестную охрану. Он уже дышал ровнее. Рывком сажаю девушку на пол, плюхаюсь сам, поджимаю ноги к груди и вжимаюсь в стенку. Остаётся только молиться, чтобы тумба укрыла нас.

Охранник входит в зал. Как замороженный слезу за светом его фонарика. Внутренности встречаются в желудке. Боюсь представить, что чувствует Лена. Её рука – обжигающий лёд.

Отдадим должное лени пузана. Он не удосуживается ступить дальше порога. Мельком оглядывает комнату, убеждаясь, что никто не проник в здание. Издаёт булькающий звук и возвращается в родные края.

Выдыхаю. Тяну Лену в закуток. В любой другой ситуации я бы здорово возбудился. Здесь темно, а любимая девушка так близко, в моих руках. Но мы вломились в музей, а её трясёт мелкая дрожь. Это кому хочешь испортит малину.

Здесь тоже есть картина. Правда, не видно, что нарисовано. Я решаюсь снова включить фонарик.

На полотне изображён красивый пруд, окружённый цветастой зеленью. Подойдя ближе, понимаю, почему картина здесь, а рядом с остальными.

Какие-то вандалы поиздевались над произведением искусства. Баллончиком с краской накалякали непонятные символы посреди пруда.

До сегодняшнего дня я был скептиком. Но то, что я делаю сегодня, полностью противоречит здравому смыслу.

Лена охает, и я согласен с ней. Думаю, это и есть нужная картина.

Киваю, давая понять, что согласен.

Но в задачке есть ещё один пункт – зеркало.

Подхожу к картине вплотную. Пристально осматриваю. Непонятые символы напоминают буквы, но какие-то неправильные. Дотрагиваюсь до них пальцем, надеюсь, что они, как по волшебству, выстроятся в нужном порядке, и всё станет ясным.

Меня осеняет.

Зеркало. Зеркальное изображение.

– У тебя есть зеркало? – спрашиваю почти беззвучно. Лена кивает, аккуратно снимает рюкзак, достаёт из бокового кармашка маленькое круглое зеркальце. Беру его, взамен отдаю телефон. Показываю на надпись на картине: – Свети сюда.

Лена делает, как я прошу. Я же отхожу вперёд, почти выйдя из закутка, пока надпись не отразилась в зеркале.

Надпись гласила ровно то, чего не хватало картине. Видимо, кто-то решил добавить от себя.

Лебедь.

Елена Лебедева – моя соседка и девушка, в которую я влюбился с первого взгляда.

Хочется ударить себя по лбу. Или того, кто это накарябал.

Только вот, что это значит? Времени на размышление нет.

Так или иначе, больше здесь делать нечего. Лена отдаёт мне телефон. Я чиркаю смс Сому. Через пару минут слышатся звуки салюта. Но охранник даже усом не ведёт. Вымотался бедолага.

Никита спрашивает, поджигать ли ещё один снаряд, но я не вижу в этом смысла. Готов поспорить, что даже если салют ударит по стенам музея, этот боров не сдвинется с места.

Придётся рискнуть своей головой. Я не раз был в этом музее на экскурсии. Второй этаж проходной. Можно поняться наверх, пробежать по залу и спуститься с другой стороны. К тому же у меня преимущество перед охранником: нет лишнего веса, отдышки и длинные ноги.

– Я его отвлеку, – шепчу я, вновь утыкаясь губами в её ушко, но уже не из-за необходимости, а потому что мне это до чёртиков нравится. Вдыхаю аромат лаванды. – Как только он поднимется на второй этаж, открывай дверь и выбирайся наружу.

– А ты? – хрипит она.

– Я выйду следом. – Быстро целую её в выемку за ушком. – Беги к машине. Не останавливайся и не оглядывайся. Поняла?

Лена кивает несколько раз.

Подняв маску с подбородка, я двинулся к выходу, обогнул арку. И только оказавшись на лестнице громко затопал.

Как я и ожидал, охранник разразился проклятиями, по-

добрал пузо и ринулся за мной. На втором этаже приходится освещать себе дорогу, чтобы не убиться о чучело какого-нибудь животного. Сбоку мелькает огромная рогатая тень.

– Пх, – выдаю я.

Помню, как я испугался чучела лося, когда нас привели на экскурсию в первом классе. Прошли годы, а лось, набитый соломой, по-прежнему пугает.

Специально задеваю металлическое ограждение, чтобы направить моего преследователя. Оно падает с тяжёлым грохотом.

Слышу шаги позади себя. Не прошло и часа. Надеюсь, что Лена смогла открыть дверь и выбраться на улицу.

Пора и мне сматываться отсюда. Проношусь через зал, выбегаю на площадку и сбегая вниз, перепрыгивая через половину лестничного пролёта.

Оглядываюсь внизу, но никого не вижу. Толкаю дверь, она с лёгкостью поддаётся. Вот я уже на улице. Проще простого.

Устремляюсь по расчищенной площадке, мимо пустых коробок от салюта к дорожке, ведущей к машине. Заворачиваю за сугроб и почти врезаюсь в Лену. Увидев меня, девушка подпрыгивает от радости.

– Я ведь сказал тебе бежать к машине! – корю её.

– Я не могла тебя бросить!

С моим ростом не надо прикладывать усилий, чтобы выглянуть из-за высокого сугроба. Вижу, как охранник выскокил из музея.

– Бежим! – Стартую, дёргая Лену за руку.

Не оглядываюсь, чтобы узнать преследуют ли нас. Не хватает у него сил.

Подбегаем к машине. Лена срывает маску, жадно хватая ртом морозный воздух. Я тоже снимаю намокшую от частого дыхания ткань, облакачиваюсь на свою машину, чтобы перевести дух.

Девушка запрокидывает голову. На секунду мне кажется, что она сейчас заплачет. Но вместо этого начинает смеяться. Воздух вокруг неё искрится.

– С ума сойти! – Лена хлопает в ладоши. Смех рвётся из её груди. Такой искренний. Глаза сияют, словно два чистых сапфира.

Я люблю эту картину. Впервые её такой вижу. Как часто она вот так заливисто смеётся? В её жизни много поводов для веселья?

– Мы это сделали! – Девушка прыгает на месте. Адреналин вскружил ей голову.

Мне тоже. Я стараюсь успокоить раззадоренное сердце, но оно упрямо рвётся вперёд. Повинуясь порыву. Одного шага хватило, чтобы оказаться к ней вплотную.

Лена улыбается мне так широко и открыто, что щемит в груди. Я обхватываю её лицо дрожащими руками, опускаю голову и касаюсь розовых губ своими.

Не двигаюсь, ожидая. Девушка тоже замирает. Кажется, что весь мир на миг остановился.

Её губы мягко раскрываются под моим ртом. В груди зашипело, словно Сом поджжёт салют. Но я не решаюсь углубить поцелуй.

Чёрт возьми, я и так уже взял достаточно.

Я просто впитываю в себя это ощущение. Смакую её сладкий вкус, словно гурман, до конца не веря, что это не сказочный сон.

Глава 8

POV Лена

От эйфории покалывает каждую частичку моего тела. Я словно невесомая. Не чувствую ни холода, ни страха, лишь всплеск безудержного веселья.

Всё позади. Мы выбрались. Нас не поймали.

Даже не пытаюсь удержать смех. Он сотрясает грудь и рвётся наружу, чтобы оглушить улицу. Прохожие косятся на нас, но впервые в жизни меня это нисколько не волнует.

Антон привалился к машине. Он широко улыбается, радуясь вместе со мной. Без него я бы ни за что не справилась. Даже не решилась бы попытаться. Но он убедил меня, что у нас всё получится, и я ему поверила.

Благодарно улыбаюсь парню.

В его тёмных глазах зажегся огонёк. Он резко выпрямился и шагнул ко мне. Я не двинулась, когда его ладони обхватили моё лицо. Делаю быстрый вдох, ещё не понимая, что он собирается сделать.

Но вот его губы касаются моих, и в глазах вспыхнули искорки, словно кто-то поджег бенгальскую свечу. Опускаю веки, чтобы они не рассыпались у моих ног. Удивление сменяется наслаждением. По телу проходит незнакомая пульсирующая волна. Крепче жмурюсь.

Его руки такие горячие. Они согревают мои щёки, а прерывистое дыхание щекочет. Коленки предательски сгибаются. Поднимаю руки, хватаюсь за рукава его пальто, чтобы не упасть.

Антон целует меня! С ума сойти! Возможно, нас всё же поймали, или же я поскользнулась на льду, пока убегала, упала и сейчас без сознания.

А как ещё объяснить, почему сосед поцеловал меня?

Когда мы с Ниной в двенадцать лет представляли поцелуи с парнями, то выдумывали разные сценки, где нас целует любовь всей жизни (мальчишка из параллельного класса), а вокруг порхают бабочки.

Потом она, конечно, рассказала, что всё совсем не так. У неё фоном кричала ворона, а мальчик ударил своими зубами по её так сильно, что чуть резцы не выбил.

Однако я продолжала верить. Уверенна, что если бы сейчас было лето, то бабочки кружили бы вокруг нас. Но сейчас зима и новый год, а салют уже был. И это ничуть не портит момент.

Дыхание заканчивается, я сильнее стискиваю пальто, не решаясь разрушить момент своим вдохом. Губы Антона мяг-

ко надавливают, чего-то ожидая. Я приоткрываю рот, поднимаюсь на цыпочки, чтобы быть ближе.

Парень издаёт непонятный звук. Ему нравится или нет: не могу разобрать.

– Вы меня убиваете! – возмущённый вскрик заставляет нас отпрыгнуть друг от друга. – Я там, значит, бегаю вокруг музея, думая, как вас вытащить, а вы тут слюнявитесь!

Моргаю, чтобы смахнуть туманную пелену с глаз.

Никита.

Как же стыдно! Совсем про него забыла. А ведь парень рисковал, чтобы помочь нам. Кошусь на Антона. Он тоже выглядит смущённым и виноватым.

– Я все ногти сгрыз от волнения! – Никита демонстрирует свои руки. – Эх, надо было вас кинуть, как вы меня!

– Сом, уймись, – обрывает его Антон.

Он подходит к другу, хлопает его по плечу, а я отворачиваюсь от них. Давлю на свои щёки. Из рта вырывается пар. Такой резкий контраст между морозом и моим разгорячённым телом.

Смотрю на деревья, покрытые снегом, здания, украшенные гирляндой и людей в пуховиках – всё вдруг оживилось. Серый и унылый мир засиял яркими красками. Хочется закрыть лицо от смущения.

Но вместо этого я подхожу к парням.

– Спасибо тебе, – благодарю я Никиту.

Парнишка смеётся:

– Да нет проблем.

– Спишимся, – кивает Антон. – Нам надо дальше ехать.

Стасу привет.

– Значит, тебя не ждать?

Вскидываю голову.

– Нет, – коротко отвечает Антон.

Сом отсалютовал, затем скрылся в спешащей толпе.

Сосед поворачивается ко мне. Я перешагнула с ноги на ногу. Хотелось, чтобы он снова меня поцеловал. Но смелости не хватило, даже чтобы поднять на него глаза. Я закусила губу.

– Прости, – говорит Антон, запрокидываю голову, чтобы всё-таки посмотреть на него. – Это всплеск адреналина. Я не хотел...

– Не хотел? – Вот теперь я ощущаю зиму в полной мере. Холод просочился под кожу. А краски начали медленно увядать. Конечно, по-другому и быть не могло.

Нижнее веко превращается в дамбу, удерживающую поток слёз, готовящихся прорваться, стоит только моргнуть. Готова сквозь землю провалиться. Глаза Антона расширяются.

– Не так, – поспешно исправляет себя сосед. – Я хотел. Конечно, хотел! Но не так. Блин, – пальцы оттягивают волосы назад, – ещё слишком рано, и... – Он тянется ко мне. Прячу руки за спиной. – Я правда хочу помочь тебе. И не хочу, чтобы ты думала, будто мне что-то от тебя надо.

– Я так не думаю, – качаю головой.

Мне по-прежнему непонятно, что он хотел сказать, но кошки в моей душе спрятали свои коготки.

– И ты не собираешься послать меня куда подальше?

Что за глупые мысли? Будем реалистами: без него у меня ничего бы не получилось.

– Нет.

– Тогда давай продолжим поиски?

Если бы у меня был выбор, я бы продолжила целовать его и обнимать. Но вместо этого сажусь в машину следом за Антоном.

Он заводит автомобиль, чтобы прогреть.

– Итак, – парень поворачивается ко мне, – давай выясним, куда нам двигаться дальше.

Я достаю из рюкзака письмо.

– *«Нужен музыке не только «сочинитель», нужен тот, кто будет петь»*, – прочитала я второй пункт в письме. – *«Не стесняйся и ничего не бойся, мой дружок. Заработай ключ»*.

Вопросительно смотрю на Антона поверх листа.

– Ну, – парень прикусывает внутреннюю часть губы, – если следовать логике городских квестов, то следующее задание – это заработать ключ.

Утвердительно киваю.

– Только вот, как и где?

– Думаю, стоит использовать то, что мы узнали в музее. –

Антон пододвигается ко мне. – Лебедь. Как думаешь, что это?

– Птица. – Поджимаю губы. – И моя фамилия.

– Само собой. – Парень даже не удивляется. Он знал? Я тоже разузнала его фамилию. Львов. Очень ему подходит. – Сперва я так и подумал. Но давай предположим, что раз была загадана картина, и нам пришлось идти в картинную галерею, то сейчас нужно место, где обитают лебеди.

– Логично, – обхватываю ноготь зубами, как всегда делаю, когда размышляю, – но у нас в городе нет лебедей.

Парень довольно ухмыляется.

– Зато есть Лебединый парк. – Он стучит по листу. – И там собираются музыканты.

Хочется треснуть себя по лбу. Точно ведь!

Сердце забило от радостного предвкушения. Совсем скоро всё решится.

– Осталось понять, как заработать ключ.

– Есть у меня на этот счёт одно предположение, но сначала давай доберёмся до места и посмотрим, что там происходит.

Мы проехали почти весь город, чтобы оказаться у ворот Лебединого парка. Никогда не понимала, почему его так называли. Да, пруд был, но грациозных птиц там отродясь не видели. Только кричающие утки, выпрашивающие хлебные мякиши.

Парк ярко освещался. В центре власти организовали что-то вроде сцены, чтобы местные группы могли петь или танце-

вать. Несмотря на то, что уже было почти девять, народ бродил по расчищенным дорожкам. Я натянула варежки. Антон больше не пытался взять меня за руку, от чего я озябла.

Мы напрямиком направились к сцене. Сосед был прав. Громкие звуки музыки собрали вокруг заинтересованную публику. Звучала узнаваемая новогодняя мелодия из кинофильма «Чародеи».

– Вот, что имела в виду твоя бабушка, когда сказала «*за-работай*». – Антон показывает на шапку-ушанку, лежащую на земле. В ней виднелись монеты и мелкие купюры.

– Но как это должны сделать мы? – Хлопаю ресницами.

«Не стесняйся и ничего не бойся, мой дружок»...

Догадка обручем сжимает моё горло. Антон добивает, спрашивая:

– Ты умеешь петь? Если спою я, то мы всех распугаем. Никто не будет платить за мои вопли.

Сглатываю.

– Нет, – подскакиваю, затем пускаюсь в обратную сторону.

– Эй, погоди! – парень спешит за мной, преграждает дорогу. – Что случилось?

– Я-я не могу, – заикаюсь, пытаюсь его обойти.

Антон хватает меня за плечи. Поднимаю голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Это ещё почему? – Парень недоумевает. – У тебя приятный голос. Думаю, ты хорошо поёшь.

– Я боюсь.

Губы задрожали. Антон расплылся в моих глазах. Он слегка встряхнул меня.

– Ты чего? Твоя бабушка не стала бы давать такое задание, если бы не была уверена, что ты справишься. – Парень сгрёб меня в охапку. – Ты вломилась в музей, но боишься спеть песню?

– В музее я тоже боялась. И так не было десятка оценивающих глаз, – мычу я, уткнувшись носом в пальто. Но его объятия дарят тепло и уют.

– Тогда ты доверилась мне, – его дыхание греет шею. – Сможешь сделать это сейчас? – Молчу. – Я буду рядом. Если что-то пойдёт не так, мы сразу убежим.

– Обещаешь?

Чувствую, что он улыбается.

– Да.

И я снова верю. Разве может быть иначе. Сейчас сложно представить, как я жила без него всё это время. Почему раньше не постучала в его дверь?

Антон отстраняется, но прежде чем полностью отпустить меня, быстро чмокает в щёку. Я смущённо улыбаюсь.

Подходим к группе молодых парнишек, решивших подарить праздник горожанам. Антон оставляет меня, чтобы договориться. Он что-то говорит солисту, указывает на меня. Вижу, как парень заулыбался, закивав с энтузиазмом.

Антон подзывает меня. На ватных ногах приближаюсь.

– Привет! – здоровается солист. – Я – Вадим!

– Лена.

Антон берёт меня за руку. Сквозь варежку не чувствую его горячую ладонь. Мне показалось, или он сделал это специально перед Вадимом? Тот рассмеялся, словно понял посыл.

А я не поняла.

Музыканты присоединяются к нам, чтобы узнать, что происходит.

– Что хочешь спеть?

– У нас новая солистка? – радуется парень с гитарой в руках. – Я давно говорил, что нужно сменить этого олуха на красивую девчонку.

Остальные участники группы загоготали.

– Замолкни! – рыкнул солист, но не злобно, после чего приподнял бровь, ожидая от меня ответа.

Песня сама приходит на ум.

– Серебристые снежинки, знаете?

– Обижает, – фыркает гитарист.

– Можно мне? – указываю подбородком на его инструмент.

– Ты умеешь играть на гитаре? – удивляется Антон.

Робко пожимаю плечами.

– Давайте уже споём! – Солист хлопает в ладоши. – Не жадничай, – подначивает он друга.

Тот со вздохом снимает гитару с плеча и протягивает её мне. Я ловко закидываю ремешок через голову, провожу

пальцами по струнам, разминаясь.

Нина была права, когда обвинила мне в том, что я забросила игру. Я правда давно не брала в руки инструмент. Слишком давно.

Смотрю на Антона. Он не сводит с меня своих тёмных глаз. Улыбка растягивает его губы.

– Дерзай, – подбадривает он меня.

Я подошла к микрофону. Зрители с интересом замерли, разглядывая меня, словно диковинку. Антон занял место среди небольшой толпы.

Я закрыла глаза, прошептала себе под нос, что справлюсь. В конце концов, это бабушкина любимая новогодняя песня. Я столько раз её играла и пела, что не сосчитать.

Барабанщик даёт сигнал. Я беру первые аккорды. Сперва неуверенно, но пальцы сами двигаются, вспоминая и направляя. Мелодия не слишком быстрая, но и не медленная. Скорее захватывающе лёгкая. Детская новогодняя – всё, что нужно для хорошего настроения.

Пришло время запеть, и я закрываю глаза, открывая рот:

– Покрыты поляны пушистым снежком,

Стучит Дед Мороз ледяным посошком.

И ветви деревьев блестят, как хрусталь,

И тают снежинки в ладоня-а-а-х, а жа-а-а-ль.

Получается не так уж плохо, даже лучше, чем я помню. Это всё из-за дополнительных инструментов. Они делают звук объёмнее. Знакомая с детства мелодия приобретает но-

вое звучание. Это здорово.

Осмелев, смотрю на зрителей. Улыбка Антона становится шире. Гитара в моих руках оживает.

Голос перестаёт дрожать. Припев звучит ярче:

– *Серебристые снежинки надо мной кружат, кружат.*

Серебристые снежинки – новогодний снегопад.

Серебристые снежинки, словно добрые друзья,

Только жаль, снег в доме тает, и ему в тепло нельзя.

На глазах люди стягиваются со всего парка. Новогоднее настроение отражается на лицах собравшихся. Они принимаются покачиваться под музыку, а дети танцуют, кружась. Родители отпускают их вперёд, где больше места для детских плясок.

Я перехожу ко второму куплету. Антон подхватывает ушанку. Принимается ходить между зрителями, предлагая поблагодарить меня денежкой. Не верится, что я правда зарабатываю ключ, выступая с группой перед публикой.

К моему удивлению, многие бросают в шапку-ушанку купюры. Время второго куплета. И моему голосу вторят голоса зрителей. Казалось, весь парк столпился вокруг нас.

Антон подмигивает мне. Я улыбаюсь, не прекращая петь. Сердце стучит в груди. Глаза увлажняются. Так хочется увидеть радостное лицо бабушки. И на секунду мне кажется, что я вижу её среди толпы. Словно она наблюдает за мной, радуясь вместе.

– *Серебристые снежинки, словно добрые друзья,*

Только жаль, снег в доме тает, и ему в тепло нельзя.

Я допеваю. Но играть не прекращаю, пока не добираюсь до финальной точки. Наблюдаю за Антоном. Он мило при-танцовывает, продолжая ходить с шапкой в руках.

Мелодия заканчивается. Я замираю, ожидая реакцию.

Дети радостно засмеялись. Взрослые же кинулись аплодировать.

Из-за шума в ушах ничего не слышу. По инерции отдаю гитару владельцу, не забыв поблагодарить.

– Оставайся! – предлагает солист, группа вторит ему, но я уже отхожу, чтобы найти Антона.

Он опускает шапку обратно на снег. Шагает ко мне. Я бросаюсь ему навстречу, врезаюсь в него. Сама обнимаю его за талию, только тогда прислушиваюсь к тому, что чувствую.

– Спасибо, – выдыхаю. – Спасибо тебе...

Эмоции буквально затопили меня. В голове хаос, но в груди словно солнце поселилось.

Этот день самый лучший в моей жизни.

– Спасибо твоей бабушке, – поправляет меня Антон, окружая меня руками.

– И ей тоже.

Немного отстраняюсь, чтобы видеть парня.

– Ты вся светишься. – Антон восхищённо оглядывает меня. – Кажется, теперь я понял, для чего твоя бабушка это затеяла.

Глава 9

POV Лена

Пока я приходила в себя, сидя на лавочке, куда Антон усадил меня, отцепив от себя, он решил посчитать, сколько нам удалось собрать.

– Надо узнать, какой удалось заработать ключ, – сказал он и пошёл обратно к парням.

Я же наблюдала за ним с благоговением, чувствуя истому внизу живота.

Примерно год назад Нина пыталась уговорить меня погулять с её одноклассником. Он видел мои фотографии на её странице в социальной сети, и, видимо, я ему приглянулась.

Я же не собиралась никуда с ним идти, каким бы симпатичным он ни был. Но Нина упрямылась. На мои аргументы, что мне нравится Антон, она строила предположения на его счёт.

Помню, подруга пыталась убедить меня в том, что я влюбилась не в реального парня, а в образ, которым я его наградила. Этаким рыцарь из средневековых сказок.

– Да, – со знанием дела говорила она, расхаживая по моей квартире, – он красавчик, тут спорить не буду. Но ты ведь не знаешь, какой он человек. Вдруг Антон – бабник.

– Но я не видела его ни с одной девушкой.

– То, что он не приводит их домой, ни о чём не говорит, – не унималась Нина. – Ладно, если не бабник, то, может, он жутко самовлюблённый. Ты знаешь, как обидно встречаться с парнем, который любит себя гораздо больше, чем тебя?

Нет, я этого не знала. Я вообще не знала, какого это, встретиться с парнем.

В школе я была слишком скромной и тихой. Хотя я и сейчас такая же. Потом появился Антон, и я уже не смотрела на других парней.

– Этодохлый номер, – уверяла меня Нина. – Он ведь всё это время живёт напротив. Поверь мне, если бы ты ему нравилась, он бы уже давно подкатил к тебе. Парни жутко нетерпеливы. Тебе надо начать жить своей жизнью, развеяться. А вдруг он – идиот? Или абьюзер?

Ей не удалось меня уговорить. И разубедить. Я могу быть очень упрямой.

И сейчас точно могу сказать: Нина ошиблась по всем пунктам. Почти.

Может, если бы у меня был хоть какой-то маломальский опыт с противоположным полом, я бы сейчас понимала, что происходит. Почему он помогает мне? Почему поцеловал меня? Почему обнимал?

Хотя это я его обнимала, но он не оттолкнул меня. Да и сам держал за руку, успокаивал, подбадривал.

Это ведь значит, что я ему нравлюсь. Или нет? Он всегда был со мной приветлив, но не больше.

Антон красив, умён, обаятелен. Он точно не самовлюблённый, не бабник и не абьюзер.

И прямо сейчас он идёт ко мне, обворожительно улыбаясь.

– Пятьсот восемьдесят три рубля, – сообщает Антон, опускаясь на лавочку рядом со мной. – Я оставил их парням.

Ответно улыбаюсь, соглашаясь с решением.

– Пять, восемь, три, – медленно повторяю. Цифры кажутся мне смутно знакомыми. Что-то зависло на поверхности, но я не могу поймать. Ускользает.

– Посмотрим последний пункт? – предлагает Антон.

Достаю письмо, протягиваю ему.

– Его найти желает каждый, кто слышал про него однажды. Найти его очень был бы рад – большой сундук, в котором...

– Клад, – заканчиваю в рифму.

– Верно. – Антон повернул лист, но ничего не обнаружил. – На этом всё. Есть идеи? – Он почесал затылок. – У меня что-то вот ни одной.

Закусываю губу.

Клад...

Бабушка где-то зарыла клад? Не замечала за ней склонности к накопительству.

– Стараюсь вспомнить, есть ли у нас в городе что-то связанное с пиратами, сокровищами, кладом, но ничего в голову не приходит. – Антон обхватывает голову руками, склоняется к заснеженной земле. – Только фильм «Пираты Карибского моря».

Джек Воробей!

Вскакиваю на ноги. Конечно!

– Секретик!

– Что? – Антон растерянно моргает.

– Мы с подругой зарыли бабушкину шкатулку, насмотревшись пиратов!

Понимание отражается в тёмных глазах парня.

– Тогда нужно его достать.

Восторг сдувается, словно воздушный шарик. Серьёзно. Даже шипение слышится. Вздыхаю, возвращаясь на лавочку. Антон поднимает брови.

– Что не так?

Развожу руками, затем спешно чешу лоб. Шерсть вызывает небольшое раздражение.

– Это было тринадцать лет назад. Я даже не помню, где мы его закопали.

– А твоя подруга – эта блондинка, которая часто приходит к тебе?

– Да, Нина.

Антон облегчённо выдыхает.

– Может, она помнит?

Точно ведь.

Что со мной сегодня такое? Антон, наверное, думает, что я умственно отсталая. Как с таким мышлением я поступила в университет и до сих пор не вылетела?

Вытаскиваю телефон. Номер Нины долго искать не пришлось. Мой список контактов пуст.

– Алло, как дела? – Нина отвечает на звонок после пер-

вого же гудка.

Игнорирую приветствие, переходя сразу к делу:

– Ты, случайно, не помнишь, где мы закопали наш секрет?

Глава 10

POV Лена

– Я просто просила тебя назвать место, а не приезжать, – возмущённо пыхчу я. – Разве ты не должна поедать салаты тёти Светы и слушать шутки дяди Мити?

– Ты видела мой живот? – Она демонстративно указывает на него. – Там больше нет места. – Мой же живот предательски заныл. Я голодна. – К тому же, не могла же я позволить тебе рыть промёрзлую землю одной. – Нина скрещивает руки на груди.

– Она не будет рыть землю, – Антон отрывает багажник, чтобы достать лопату. – Это буду делать я.

Нина подмигивает мне.

– Лучше бы ты помогла пробраться в музей или выступить перед толпой, – пробурчала я себе под нос, но подруга смогла разобрать.

– Ты вломилась в музей? Зачем?

– Спроси бабулю.

– У нас не было выбора, – одновременно со мной ответил Антон.

Парень прочистил горло, обошёл нас, устремляясь к дереву, на которое указала Нина.

Оказалось, что закопали мы свой секретный клад недалеко от дома, в котором живём мы с Антоном. Небольшой сквер, где жители района дышат воздухом и выгуливают собак.

Сосед разгребает снег, просит показать, где именно зарыта шкатулка. Нина подходит к дереву, делает два широких шага, останавливается:

– Вот здесь.

Антон воткнул лопату в землю, но почва промёрзла и не поддалась. Сосед ругнулся себе под нос.

– Твоей бабушке стоило устроить квест летом, – вздохнул парень, отпустил лопату. Она упала на землю, а Антон пошёл обратно к машине.

– Ты должна рассказать мне обо всём, – заговорщически зашептала Нина, стоило парню отойти.

– Не думаю, что сейчас есть на это время, – говорю я, следя за удаляющейся фигурой.

Нина наблюдает за мной. На моём лице, видимо, отражалось всё многообразие эмоций, клокочущих внутри.

– Агата Соломоновна не зря отправила тебя в соседнюю квартиру, – хихикает подружка. – Ты светишься, как рождественская звезда. И он смотрит на тебя с интересом. И даже этого не скрывает. Признавайся, между вами что-то завязалось?

Невольно вспоминаю тепло его руки, дыхание за ушком, прикосновение губ... По телу пробегает приятная дрожь.

Я затягиваю губы в рот, становясь пунцовой. Наивно надеюсь, что в ночи этого не видно. Но у Нины зрение, словно у кошки. Она понимающе усмехается:

– Я хочу узнать всё.

– Тихо ты, – шикаю, видя, что Антон возвращается. – Потом расскажу.

Подруга качает пальцем перед моим лицом.

– Помни, что ты обещала. Только со всеми подробностями.

Я уже никак не реагирую, наблюдая за соседом. В его руках бутылка жидкости для розжига и газовая горелка.

Антон протягивает мне грелку и бутылку с просьбой подержать. Нина присвистывает:

– Собираешься пожарить нам шашлык?

– Ага, – усмехается парень, – а в качестве мяса придётся поймать припозднившуюся белку.

Закатываю глаза, хихикнув, понимая, что он шутит.

– Фу, – морщится Нина, затем всё же поглядывает на дерево.

Я же молча наблюдаю, как он подходит к прогнившей и полуразвалившейся лавочке, на которую давно уже никто не садится, но службы, похоже, не собираются заменить её на новую. Антон оглядывается. Никого не увидев, он отламывает кусок дерева.

У нас с Ниной отваливается челюсть.

– Что ты делаешь? – прошипела подруга.

– Нужен костёр. Сухой древесины поблизости нет. Кроме этой развалюхи. – Он отрывает ещё пару брусков, затем возвращается к нам. – Не думаю, что кто-нибудь накажет нас за это.

Парень выкладывает отломленное на месте, на которое указала Нина, поливает средством, затем поджигает горелкой. Сухое дерево моментально вспыхивает, освещая пространство вокруг нас. Сразу становится теплее.

– А за розжиг костра, нам по шапке не надают? – Нина смотрит по сторонам.

Сосед пожимает плечами.

– В обычные дни всучили бы штраф, но сегодня никому ни до чего нет дела. – Он смотрит в телефон. – Тем более уже одиннадцатый час. Все затаились перед полуночью.

– А после улицы наводнят пьяные оборотни, – продолжаю я его предложение.

Антон издал смешок, взял лопату и встал возле меня, наблюдая за пламенем.

– Я не жалуясь. – Нина садится на корточки. – Но все же, для чего нам костёр?

– Земля замёрзшая, её нужно согреть, – объясняет он, – тогда сможем откопать вашу шкатулку. Вы ведь не слишком глубоко закопали?

– А ты шарись. – Нина поражена. Я бросила на неё торжествующий взгляд. Как, по её мнению, мы прошли бабушкину игру? Только благодаря Антону. – Мы были детьми. У

нас не хватило бы ни сил, ни ума закопать глубоко. Я вообще думала, что её давно отрыла какая-нибудь собака. Но раз Агата Соломоновна *говорит*, что она до сих пор здесь, то это так.

– Агата Соломоновна? – переспрашивает Антон. Я киваю. – Она правда видела будущее?

Я приподнимаю кончик губ. Все в это верили.

– Конечно! – с пылом произнесла Нина. – Она предсказала, что я расстанусь с Гавриловым!

– Ну, для этого не надо видеть будущее. Я тоже тебе это говорила, – комментирую я, затем закрываю рот рукой, понимая, что болтнула лишнее. – Ой.

Антон рассмеялся. Нина фыркнула, но затем тоже засмеялась.

– Он был не так уж плох.

– Поэтому ты бросала его каждую неделю, говоря, что это в последний раз?

Мы с подругой переглянулись и захихикали. Сейчас я ощущала себя гораздо увереннее в компании Антона. Он, ещё смеясь, тоже присел возле костра, протянул руки, чтобы согреть их. Я повторила за ними.

Я смотрела, как дерево прогорало, рассыпаясь углями. Земля согревается, приближая момент, когда мы достанем шкатулку, и всё решится. Закончится.

До сегодняшнего дня в моей жизни была только Нина. Но сейчас здесь Антон. Я гадала, останется ли он со мной. Или

этого приключения ему будет достаточно?

Поднимаю глаза, тут же ловлю его ответный взгляд. Улыбаюсь и получаю улыбку в ответ.

Глубоко внутри теплится надежда, что Антон никуда не исчезнет.

Парень тушит оставшиеся угольки снегом. Затем принимается за работу. Мы с Ниной светили фонариками с разных сторон.

Несмотря на подогрев земли, она всё равно сопротивлялась. Но Антон не жаловался, он снова и снова вонзал лопату в твёрдую почву. Пока в какой-то момент не раздался металлический лязг.

– Нашли! – Нина подпрыгнула на месте. Сосед подкапнул изделие, вытаскивая его из земли.

Он протянул его мне. Мои руки дрогнули, когда ледяная шкатулка обожгла адским холодом. Нина заметила и тут же забрала её своими руками, облачёнными в перчатки.

– Стоп, – подруга с сомнением уставилась на шкатулку. – Это не то, что мы закопали.

Антон чертыхается. Я посветила на предмет в её руках. Она права.

– Мы закапывала обычную шкатулку.

– Зелёную, – припоминаю я. – Резную.

– Да-да, – кивает Нина. – Она не закрывалась. А это больше на мини-сейф похожа. – Подруга поворачивает её к нам

с другой стороны. – Нужен пароль и ключ.

– Пароль у нас есть.

Я поддакиваю:

– Пять. Восемь. Три.

Нина вводит код. Затем смотрит на нас:

– А ключ?

Я растерянно хмурю брови.

– Мы что-то упустили? – спрашивает меня Антон. Его плечи поникли. – Может, мы неправильно что-то поняли, или...

Он расстроился. Загадок больше никаких не было, подсказок тоже.

– Ключик должен быть маленьким, – говорит Нина, рассматривая замочную скважину. – Как думаешь, твоя бабушка обидится, если мы просто вскроем его.

– Я могу попытаться, – Антон забирает шкатулку у Нины, смотрит на меня: – Если ты не против.

Ощущение, что я что-то упускаю, вернулось. Я сжала кулаки, словно это поможет мне вспомнить. От волнения додрагиваюсь до груди, чтобы потеревить подвеску, которую мне подарила бабушка. Но сейчас зима, и я не могу до неё добраться.

– Ключ, – воздух вышибает из моих лёгких. – Ключ! – вскрикиваю я, ошарашив ребят.

Расстёгиваю куртку, вытаскиваю подвеску из-под вязаной туники.

– Точно, блин! – вторит Нина. Один Антон ничего не понимает. – Ключ у неё на шее!

Парень тут же шагнул ко мне. Я сняла цепочку, поднесла ключ к шкатулке. Он идеально подошёл. Я провернула ключ, и замок щёлкнул.

От волнения желудок сжался. Я откинула крышку.

Три головы зависли над сокровищем, которое для меня приготовила бабушка.

Глава 11

POV Антон

Мой взгляд прыгает с предмета на предмет с тех пор, как Лена аккуратно раскрыла целлофановый пакет, спрятанный в шкатулку-сейф.

Пластмассовый игрушечный стетоскоп, два сцепленных плетёных браслета, вырезанное из журнала изображение какого-то парня, маленькая куколка на коньках, брелок с гитарой и ещё какие-то мелочи.

Лена с тоской погладила стетоскоп, а Нина достала куколку и залюбовалась ею.

Я же стою и ничего не понимаю. Приходится озвучить свои мысли:

– Что это?

Голубые глаза обращаются ко мне:

– Это то, что мы спрятали в наш *секретик*. – Заметив, что я сдвинул брови, она продолжает: – Что-то вроде капсулы

времени. Мы собрали дорогие нам вещи и закопали. – Лена поднимает пластиковый медицинский прибор. – Видишь? Это моя мечта.

– Ты учишься в медицинском, – вспоминаю я. Девушка удивлённо хлопает прелестными глазками, а я решаю признаться: – Я спрашивал у наших соседок.

Лена открывает рот, чтобы что-то сказать, но её перебивает подруга, не слушавшая наш разговор. Она слишком увлечённо теребила куклу.

– Даже не верится, что прошло уже столько лет, – Нина с грустью вздыхает. – Почему Агата Соломоновна не предупредила меня?

Лена сочувственно смотрит на подругу.

– Ты же знаешь, бабушка никогда не выдавала тайн будущего. Она только подталкивала на путь.

– Тогда она могла и меня подтолкнуть в другую сторону.

– Но ты ведь так любила фигурное катание.

Я почувствовал себя лишним. Они говорили о том, чего я знать попросту не мог.

Девушки замечают это.

– Я каталась, – поясняет Нина, трясся куклой, у которой вместо туфельки надеты коньки. – Собиралась стать чемпионкой. Травма. Теперь учусь на тренера.

Я сделал глубокий вдох, не зная, что сказать. Такие истории всегда отзываются в сердце грустью. Нина убрала игрушку в сумку, затем выдавила из себя улыбку, потянулась

за скрещенными браслетами.

– По крайней мере, мы продолжаем дружить, – в её голосе слышатся нотки нежности. Лена широко улыбается подруге. Та же протягивает мне браслеты, замечая что-то странное. Подношу ближе к глазам. На одном красиво вплетено *Ленок*, а на другом – *Нинок*.

Усмехаюсь.

– Так нас называла бабуля.

Это очень трогательно. Я бы очень хотел познакомиться с этой старушкой. Думаю, она бы мне понравилась.

Я опускаю браслеты обратно в шкатулку.

– А это что? – указываю на вырезку из журнала.

– Это Тейлор Лотнер, – прыскает Лена. Вскидываю брови: мне это имя ни о чём не сказало, хотя морда у него знакомая. Подруга же шикает на неё. – Нина собиралась за него замуж.

Лена хихикает, а Нина закатывает глаза.

– Подумаешь, насмотрелась Сумерек! – Она фыркает. – Да все тогда с ума сходили по этому волку. Я не одна такая! До сих пор считаю, что он куда более сексуальный, чем бледный кровопивец.

Я засмеялся, наконец, въехав. Хмыкаю. Девчонки!

– Тебе он тоже нравился? – спрашиваю у лесной нимфы с глазами цвета лазурной волны.

– Она тащилась от вампира, – бросает подруга, с таким видом, словно поставила шах и мат.

– Но я не вырезала его фотки и не прятала в землю, зага-

дывая желание.

Смеюсь. Вот где шах и мат.

Лена мило закусывает губу, смутившись. Мне до безумия нравится, как она стесняется. Её щёки розовеют, а глаза поблескивают, словно два кристалла.

– И это всё? – заглядываю в шкатулку, чтобы увидеть что-нибудь ещё. – Подарок – это ваши воспоминания?

Нина нервно засосала щёку.

– Не знаю, – хрипло выдыхает Лена. – Не слишком ли много заморочек из-за наших секретиков?

– Может, твоя бабушка хотела напомнить о том, что ты забыла? – предлагает Нина.

Лена же понуро опускает голову. Она ожидала другого. Я, честно признаться, тоже.

Мне захотелось успокоить девушку. Я уже собрался обнять её, сказав, что сегодняшней день сам по себе стал подарком, но потом мне в голову пришла идея: видел в одном шпионском блокбастере.

Я даже не сомневаюсь. Слишком много совпадений. Моя интуиция сегодня улетела в космос. Или же бабушка Лены действительно видела будущее и знала, что я догадаюсь. Поди, раздери.

Забираю шкатулку, высыпаю на снег содержимое, чтобы исследовать дно.

Бинго!

Оно очень неустойчивое, словно не родное, ходит ходу-

НОМ.

– Нужно подковырнуть.

Пусть обзавидуется фокусник, Нина, как по волшебству и с космической скоростью достаёт из своей сумки маникюрные ножнички:

– Вот, держи.

– Спасибо.

Поддеваю дно, даже не удивляюсь, когда оно открывается, а под ним – белый лист, свёрнутый в трубочку и обёрнутый в прозрачный файл.

– Думаю, что это тебе, – протягиваю его Лене. Взгляд девушки сразу загорается – совсем другое дело.

Она забирает послание. Её руки дрожат, когда она разворачивает трубочку. Немного отхожу назад, чтобы не мешать ей и не нарушать её границы. Ей нужно немного пространства.

– Как думаешь, – тихо спрашивает Нина, повторяя за мной, – это ещё одно задание?

Пожимаю плечами:

– Понятия не имею.

Не могу сдержать свой взгляд. Он снова возвращается к девушке, читающей письмо.

Хмурюсь, видя слёзы на её глазах. Она такая ранимая. В груди щемит. Сразу хочется защитить её, спрятать, уберечь.

– Она тебе нравится, да? – Моргаю, услышав вопрос Нины.

– Да, – нет смысла это скрывать. – Давно.

– Тогда хватит уже тянуть, – девушка возмущённо пыхтит. – Ты так тормозил, что не выдержала и вмешалась умершая бабушка.

Я открыл рот и тут же закрыл его. Что тут скажешь? Она права.

Но после сегодняшнего дня я не намерен останавливаться. Больше нет. Я не собираюсь отпускать голубоглазую нимфу.

– Но только попробуй её обидеть, и я вонжу лезвие от конька в твою голову – тихо грозитя Нина. – Не забывай, я знаю, где ты живёшь.

Оказывается, она кровожадная. Серьёзно киваю, чтобы успокоить. Я зауважал эту блондиночку. Но меня несколько не испугала её угроза, ведь я точно не собираюсь причинять вред Лене.

Девушка к тому времени заканчивает читать послание.

– Это письмо от бабушки, – сообщает она, подойдя к нам. – Ещё одно. – Ни я, ни Нина не просим его прочитать, посчитав, что это слишком личное. – Она...

Лена запинается, часто моргает, того и гляди расплачется. Я нежно погладил её щёку, успокаивая. Даже не представляю, какого ей сегодня.

Она словно заново обрела и потеряла родного человека. Это как смотреть на фотографию умершего, вспомнить его, но понять, что больше никогда не увидишь вживую, не по-

говоришь.

– Она пишет, что гордится мной, но подарок не здесь.

– А где? – мягко спрашиваю. Я готов броситься за ним даже на край света.

– Он появится в полночь на площади у главной ёлки.

Облегчённо вздыхаю. Это не так уж и трудно устроить.

– Время ещё есть, мы обязательно его найдём.

– Но ты ведь не можешь...

Я обхватываю её плечи, поворачиваю к себе.

– Я пойду с тобой, это даже не обсуждается.

Лена хочет возразить. Я вижу это по упрямо поджатым губам. А мне мучительно хочется поцеловать этот розовый ротик. Я бы так и сделал, если бы никто не топтался за спиной.

– Ну, – говорит понятливая Нина, – раз у тебя теперь есть компания, я пойду домой. Доем оливье и дослушаю историю дяди Мити о том, как Вовка перевернул лодку во время рыбалки и чуть не утопился. Ходячее несчастье.

Лена засмеялась. Я готов слушать этот звук вечно.

Отпускаю девушку, чтобы она могла попрощаться с подругой.

– Заранее с новым годом тебя, родная моя, – выдыхает Нина, затем девушки обнимаются. Я же смотрю на часы.

– И тебя с новым годом!

– Удачи! – желает мне Нина.

Она поспешно уходит, буркнув о том, что замерзла, как суслик, а Лена оборачивается.

– Может, пойдём, что-нибудь съедим? – предлагаю я, чувствуя пустоту в желудке. – У нас есть ещё час.

– Я бы не отказалась от горячего чая.

POV Лена

Антон выбрал круглосуточное кафе недалеко от центральной ёлки. Там мы можем подождать назначенный час и без проблем добраться до места.

Внутри царил праздничная атмосфера. Если в начале дня меня слегка раздражала вся эта суматоха, то сейчас я с улыбкой оглядывалась по сторонам, вдыхая аромат свежего кофе и имбирного печенья.

Кафе украсили гирляндой-паутинкой, сплетёнными хвойными венками, елочными игрушками. Народу было много. Это удивило меня. Неужели кому-то еще, кроме нас с Антоном, не сидится дома? Мест почти не было, но нам повезло. Нам сегодня в принципе везёт. Мы заняли место в углу у окошка.

Тепло. Светло. Антон напротив. Большого мне и не надо.

Мир рядом с этим парнем заиграл красками, и оказалось, что жизнь остановилась только для меня. Хотя именно сегодня она взорвалась, словно хлопушка, забрызгав меня конфетти. И всё это благодаря парню, мило улыбавшемуся мне с другого конца стола и моей бабушке.

– *Спасибо, бабуль,* – хотелось мне шепнуть ей, а затем обнять её так крепко, чтобы показать, как сильно я её люблю.

Но вместо этого я просто благодарно сжала её письмо. Бабушка никогда не была многословной. Она написала, что любит меня и всегда будет заботиться. Я в этом не сомневаюсь. Не после сегодняшнего приключения. Хотя оказалось, что оно ещё не закончено. И подарок свой я всё-таки получу.

«Ровно в полночь встань у главной ёлки на площади. Сделай три оборота вокруг себя. Обернись».

В этот раз обошлось без загадок и заданий. Просто и ясно – сразу бы так. Я бы и сама справилась, но безумно счастлива, что Антон пошёл со мной.

Раздеваемся и вешаем свои куртки и рюкзак на спинки мягких стульев. Поправляю волосы, надеясь, что причёска окончательно не испортилась шапкой в погоне за бабушкиным подарком. Незаметно беру телефон, включаю фронтальную камеру, чтобы посмотреть, не размазался ли макияж. Облегчённо выдыхаю, увидев, что всё на своих местах.

Смотрю в меню. Названия мне ни о чём не говорят. Я редко выбираюсь куда-то в кафе. Обычно инициатива исходит от Нины.

Когда приходит время сделать заказ, к нам подходит высокая брюнетка в чёрной форме. Её глаза быстро пробегают по мне: я её не заинтересовала. В отличие от Антона. Такого красавчика грех не заметить. Глазки заинтересованно заблестели, а на губах появляется улыбочка.

Недовольно поджимаю губы, но одёргиваю себя. У меня нет никакого права ревновать. Но в горле неприятно запер-

шило.

– Что будете заказывать? – Милый голосок обращён исключительно к Антону.

Я смотрю на парня, ожидая его реакции. Стараюсь отделаться от слов Нины, так некстати всплывших в голове. Бабник? Быть не может!

– Я буду сэндвич с тунцом и капучино, – отзывается Антон, глядя в меню. Он поднимает голову лишь для того, чтобы посмотреть на меня. – А ты?

– Я...

Теряюсь в его глазах цвета самого лучшего эспрессо. Нервничаю. Моя рука на столе едва заметно дрогнула, но Антон увидел. Он выбросил свою руку вперёд, чтобы подхватить мою кисть и переплести наши пальцы где-то середине стола. Моё раздражённое горло смягчилось медовыми леденцами.

Это не осталось без внимания официантки. Она расплющила свои губы. Мне хотелось закричать от радости. Я едва удержалась, чтобы не хихикнуть довольно.

– Я буду сэндвич с курицей и латте, – осмелев, говорю.

– Ещё два имбирных пряника, – добавляет парень, пока разочарованная официантка не скрылась. – Они здесь большие и вкусные. Ручаюсь, что тебе понравятся... – Он сдвигает брови. – У тебя ведь нет аллергии на имбирь?

– Нет, – выдыхаю я, смеясь. – Но у меня аллергия на цитрус.

– Новый год без мандаринов? – Антон притворяется, что он в ужасе.

Вместо того чтобы рассказывать ему о том, что новый год, проведённый в красную крапинку и с зудом, гораздо хуже, я просто развожу руками.

Парень смеётся, а я решаюсь задать вопрос, вертевшийся у меня на языке весь вечер:

– Почему ты был дома? – Антон удивлённо приподнимает брови. – Я была уверена, что тебя не будет дома, когда Нина... когда позвонила в твою дверь.

Парень задумывается. Его рука чуть сильнее стискивает мою.

– Не было настроения. – Он морщит нос. – Не хотел шумной вечеринки.

– И семейного праздника тоже? – аккуратно произношу, словно вопросом могу разбить хрустальное душевное состояние.

– Они на горнолыжном курорте. – Я поникла. Не знаю, что он увидел на моём лице, но тут же поспешно добавил: – Они хотели, чтобы я поехал с ними, но я отказался.

– Понятно.

Нет, конечно. Мне не понять.

Я бы всё отдала, лишь бы хоть на минуту вновь окунуться в уютный семейный праздничный вечер, услышать смех родных, поздравить их и пожелать самого лучшего. Но вместо этого каждый день возвращаюсь в пустую квартиру, где

меня встречает лишь тишина.

Именно поэтому в прошлом году я присоединилась к новогодней семейной вылазке Нины, но это не то. Они – её семья, не моя, как бы хорошо ко мне не относились.

– Я знаю, что твои родители...

– Да, – киваю, – умерли. Вообще все мои родственники умерли. Бабушка верила, что это проклятье нашего рода.

Страх мелькнул в его глазах. Думаю, что после сегодняшних приключений, он поверил в ясновиденье моей бабушки.

– Это правда?

– Этого я не знаю. Только бабуля знала. У меня нет сверхъестественных способностей. – Грустно улыбаюсь. – Я обычная.

– Нет. – Парень внезапно перегнулся через стол, чтобы погладить меня свободной рукой по щеке, заправив прядь волос за ухо. Я сглотнула. – Ты особенная. Я всегда так думал.

Поднимаю руку, чтобы удержать его ладонь на щеке. Дыхание дрогнуло. Если бы возле меня сейчас оказалась свеча, она бы потухла.

Как раз в этот момент принесли наш заказ. Ещё никогда я не ловила на себе такой взгляд, которым меня наградила разочарованная официантка. Она уже успела оценить меня, сделав вывод, что я ей и в подмётки не гожусь. Но Антон удерживает мою руку. И это он только что сказал, что я особенная.

Он правда это сказал? Я смотрю на него, парень выглядит немного взволнованным. Думаю, если бы я стояла, то ноги бы подкосились.

Девушка осталась незамеченной. Слышу, как она фыркает, затем удаляется.

Чтобы поесть, приходится расцепить руки. С ужасом замечаю, что моя ладонь вспотела. Но при взгляде на аппетитно поджаренный сэндвич и ароматный пряник, я чувствую спазм своего желудка.

Высыпаю в кофе хорошую дозу глюкозы, мешаю деревянной палочкой. Затем беру сэндвич и откусываю его, прикрыв глаза. Антон делает всё то же самое.

Какое-то время мы молча наслаждаемся нашим праздничным ужином. Я ничего не имею против, ведь какая разница, что есть, когда напротив сидит мой сосед.

– Давно ты играешь на гитаре? – возвращается к беседе парень, когда значительные голодные спазмы были утолены.

– Даже не могу сказать. – Я задумалась, отпивая кофе. Горячая жидкость приятно согревала рот. – Гитара всегда была у нас в квартире. Бабушка тоже иногда играла, и это она научила меня играть. Правда, в семь лет она отвела меня в музыкальную школу.

– Бабушки с первого этажа постоянно жалуются, что без твоей бабушки их жизнь стала невыносимой.

– Они почти каждый день приходили, чтобы пожаловаться, – вспоминаю я. – Не знаю, действительно ли бабуля их ле-

чила, но она выслушивала их жалобы и поила глинтвейном.

Усмехаюсь. Антон смеётся. У меня в который раз перехватывает дыхание. Он такой красивый. Но не как манекен. Его красота живая. Парень сразу располагает к себе своей искренностью. Одной улыбки хватило пять лет назад, чтобы я влюбилась.

– Мне жаль, что я не познакомился с ней, – вот и сейчас он говорит искренне.

– Ты бы ей понравился, – улыбаюсь. Я в этом уверена. – А твои бабушки и дедушки живы?

– Только одна. – Антон огорчённо вздыхает. – Мамина мама. Ей уже почти девяносто. Она плохо слышит и мало передвигается сама. – Я сочувственно закусываю губу. – Родители переехали к ней, чтобы присматривать и ухаживать.

Теперь становится понятно, почему они уехали. Но при всей печальной ситуации, я была рада, что Антон не переехал вместе с ними.

Смотрю на большие часы за спиной парня. Хочется застывать.

Время шло слишком быстро. Неужели нельзя замедлить стрелки?

– Уже почти двенадцать, – произносит Антон. И на его лице отражается то же самое нежелание покидать этот тёплый уголок.

Он рассчитывается. И мы выходим из кафе. Остаётся минут десять.

Подходим к ёлке. Я улыбаюсь, глядя на красиво украшенный символ нового года и купол вокруг неё, который создают ниточки золотистых гирлянд.

Вокруг шумят жители города. В их руках уже звенят бокалы, а шампанское готовится выстрелить пузырьками.

Я поворачиваюсь к Антону, но он не глазеет по сторонам, как это делаю я. Он смотрит только на меня. Я вдыхаю морозный воздух. Но мне совсем не холодно.

Антон подходит ближе, медленно обвивает меня руками. Я тону в его аромате.

– Ты ведь не исчезнешь, как только пробьёт двенадцать? – выдыхает он вместе с облачком пара.

Мои губы широко растягиваются.

– Я ведь не Золушка.

Парень склоняет голову. Наши лица теперь на одном уровне.

– Я боюсь, что это сон, – говорит он, почти касаясь моих губ своими. – Боюсь, что пробьёт двенадцать, ты получишь подарок и исчезнешь из моей жизни.

Я затрепетала.

– Ты не хочешь, чтобы это произошло?

Его губы скользят по моим губам. Мучительно медленно и до бессовестного приятно.

– Я хочу, чтобы это стало началом.

Началом?

Я хочу спросить, но мягкие губы надавливают, даря мне

второй поцелуй.

Где-то на заднем плане я слышу обращение президента. Кто-то включил его на телефоне. Меня оно мало интересует.

Я вся превратилась в сгусток ощущений. Антон. Его губы. И крепкие руки, сжимающие мою талию.

Я вытягиваю руки, чтобы обвить шею парня, но он прерывает наш поцелуй, отстраняет меня от себя.

Слышу бой курантов.

– Пора.

Мне казалось, что я не повернулась к ёлке, а вспорхнула, словно за спиной раскинулись два пушистых крыла.

Три оборота вокруг себя.

Повторяю.

Один.

Мелькает Антон.

Два.

Снова вижу Антона.

Три.

Лицо парня мелькнуло, но я вновь оказалась перед ёлкой. Голова слегка закружилась.

Обернись.

Я оборачиваюсь и застываю.

Антон.

Он стоит передо мной ровно там же, где я оставила его. На лице любопытство и ожидание.

Куранты взрываются трелью, а моё сердце подпрыгивает

в груди. Шампанское захлопало, а в воздухе засвистел салют. Как в замедленной съемке. Но в один момент всё громыхнуло. Я шарахнулась назад.

– С новым годом! – заорали все вокруг. – С новым годом! С новым счастьем!

Антон вопросительно смотрел на меня.

Мой подарок...

Господи, какая я глупая!

Я засмеялась, согнувшись пополам. Думаю, это истерика. Антон, видимо, тоже так решил, поэтому двинулся ко мне. Но я его опередила. Рванула к нему, вскидывая руки.

Парень только и успел распахнуть руки и подхватить меня. Я обвила его шею руками.

– Что случилось? – с трудом проговорил он: мешало учащённое дыхание. – Что-то пошло не так? Где...

Я запрокинула голову.

– Это ты! – крикнула я так громко, как только смогла. Затем посмотрела ему прямо в глаза, и уже ничего не боясь, произнесла: – Это ты. Ты – мой подарок.

– Я?

Парень опешил, но меня не отпустил. Наоборот. Его руки крепче стиснули талию.

– Да, – просияла я. – Первое письмо, которое я получила, было абсолютно точным, – припоминаю. – В нём чёткая схема от моей двери к твоей. Там и был мой подарок. Это ты. –

Перемещаю руки на его скулы. Голос понижается почти до шёпота: – Спасибо, бабуля.

Улыбка Антона становится широченной. Он и не думает шептать. Вместо этого парень закидывает голову назад, чтобы заорать:

– Спасибо!

Он возвращается ко мне, чтобы, не медля, накрыть мой рот своими губами. Я вспыхнула, словно спичка. Третий поцелуй похож на предыдущие, как небо на землю.

Антон больше не осторожничал. Его рот жадно впивался в мой, словно оголодавший путник, наконец выбравшийся из леса. И я не уступала ему в энтузиазме.

Мне хотелось целовать его. Днями и ночами напролёт. Пока не выдохнусь, или губы не отвалятся.

Двигаясь за инстинктивными желаниями, наклоняю голову в сторону, углубить и без того страстный поцелуй с привкусом кофе.

Запускаю пальцы в его волосы, выдыхаю стон, когда его язык озорно проникает в мой рот и касается моего языка. Райское наслаждение – это вовсе не Баунти.

Антон на секунду выпускает мой рот из своего плена, чтобы сделать вдох.

– Почему ты благодарил мою бабушку? – тут же спрашиваю я.

– Потому что она сделала подарок не только тебе, – Антон подмигнул мне. Я приоткрыла рот, забывая, что должна ды-

шать. – Ты тоже мой подарок.

– Я? – хлопаю ресницами.

– Ты, – кивает Антон.

Болтаю ногами, чтобы парень опустил меня на землю. Он подчиняется, но тут же сам склоняется ко мне, запрокидывая мою голову обжигающими руками.

– Я люблю тебя, – произносит Антон. Коленные чашечки дрогнули, словно доктор ударил по ним молоточком. Сердце перекувыркнулось, затем забилось в только ему известном ритме. Кардиология бы пришла в ужас. Но парень не собирался щадить несчастный орган. – Я влюбился в тебя пять лет назад. При первой встрече в подъезде. Помнишь?

Киваю, потому что не могу выдавить ни звука. Конечно, я помню.

– Знаю, – Антон кривится, быстро целует мои губы, затем продолжает, – это звучит абсолютно дико. И я не сталкер. Но поджидать тебя в подъезде – это моё самое любимое занятие.

Я вылупилась на него, стараясь осознать сказанное. Он влюблён в меня? Пять лет? Случившегося сегодня достаточно, чтобы я ему поверила. Но я не могла представить, как это возможно.

– Ты меня пугаешь, – простонал парень, словно я делаю ему больно. – Скажи что-нибудь. Я знаю, что, возможно, сам напугал тебя до чёртиков, но...

– Я люблю тебя, – выдаю резко, пока осмелилась и не передумала. Лицо Антона озарилось. А я покраснела до кон-

чиков волос. – Я тоже влюбилась в тебя с первого взгляда. Но я думала, что ты... – Он ждёт продолжение, и я заканчиваю: – Что ты просто вежлив со мной. И никогда не посмотришь на девушку вроде меня.

– Господи... – Антон сделал вдох и выдох, чтобы успокоиться. Нас обоих скоро Кондратий хватит. – Ты самая лучшая, не вздумай сомневаться в этом. Я не просто посмотрел на тебя, я мечтал о тебе.

Мои внутренности превращаются в желе.

Он прислоняет свой лоб к моему. Я стараюсь дышать глубже. Но это сложно, когда чуть припухшие губы парня так близко.

– С новым годом! – завопил кто-то возле нас, отчего мы вздрогнули.

– Давай уйдём отсюда? – предлагает Антон.

И я соглашаюсь. Рядом с ним я на всё согласна.

POV Антон

Я привёз нас домой. Дороги были пусты, поэтому это не заняло много времени.

Подъезд всё такой же тёмный.

Было так странно подниматься на второй этаж, держа её за руку. В голове до сих пор не укладывается: она меня любит.

Все пять лет я думал, что моя любовь безответна. Но оказалось, что Лена все эти годы думала точно также.

Какой же я идиот! Обязательно скажу это своим родите-

лям, когда позвоню им утром.

Я удерживаю в своей руке тонкие пальчики, душа моя ликует. Я словно выиграл в лотерею. С трудом сдерживаюсь, чтобы не прижать Лену к почтовым ящикам, у которых обычно случались встречи, чтобы снова накинуться на её губы.

Она совершенство.

Вспоминаю, что дома остался подарок для неё.

Мы останавливаемся на площадке между нашими дверями. Она посмотрела на свою дверь и опустила глаза в пол.

Не знаю, о чём она подумала, но я не собирался её никуда опускать.

Не сегодня.

И не в ближайшие дни.

Недели.

Месяцы.

Года.

Никогда...

– Это ведь ты, да? – неожиданно спрашивает Лена. Я поднимаю брови: нужно больше информации. – Это ты иногда оставлял белую розу, привязанную к ручке моей двери?

– Да, – признаюсь. – Я хотел подарить тебе их лично, но боялся и тебя не хотел пугать. У меня не было какого-то умысла. Просто когда я видел тебя грустной, хотелось порадовать.

– Мне нравилось, – её глаза сверкают сапфирами даже в

темноте, – но я и не надеялась, что это ты.

– Пойдём ко мне, – здесь не нужно кричать, чтобы от стен отскочило эхо. Мой голос звучит глухо. Я прижимаю девушку к себе, наслаждаясь её хрупкостью.

Она поднимает на меня глаза, словно снова хочет о чём-то спросить, но не решается. Целую её в миленький носик.

– Мы просто побудем вдвоём, – прошептал я. – Мы так много времени потеряли.

Лена застывает в нерешительности. И тут до меня доходит. Как последний кусочек головоломки.

Она такая тихая и скромная. К тому же любила меня эти пять лет.

– Я первый, кто тебя поцеловал? – спрашиваю, но уже знаю ответ.

Девушка отводит глаза и кивает. Я словно залпом махнул стопку текилы. Она обожгла горло, но приятно согрела внутри. Мне нравится это чувство.

Я столько раз задавался вопросом, есть ли у неё парень. Конечно, я никого никогда не видел, входящим к ней или выходящим из её квартиры, но не мог быть уверенным на сто процентов.

Я выдохнул. Облегчение размягло мышцы.

– Не бойся, – тихо говорю, обхватив её щёку, поворачивая голову к себе. – Не будет ничего такого... – запинаясь, не зная, как объяснить. – Я просто не хочу отпускать тебя. – По моему телу расползаются мурашки. Я не могу сдержаться,

целую её, и тону в совершенном вкусе её губ. – Хочу побыть рядом.

– Хорошо, – её голос охрип.

– Ты мне веришь?

– Верю.

***

Лена входит в мою квартиру. От осознания этого голова идёт кругом. Она осматривается, а я помогаю ей снять куртку и шапку, вешаю рюкзак на крючок. Её кудряшки всё такие же объёмные. Улыбаюсь от умиления.

– Проходи, не стесняйся.

Я тоже осматриваюсь, не бардак ли у меня. Но нет. Вроде бы не успел насвинячить. Включаю гирлянду на ёлке. Лена мягко опускается на диван перед плазмой на стене.

– У тебя красиво, – смущённо говорит она.

– Спасибо. – Я тоже смутился. – Хочешь чай? Кофе? Могу ещё предложить коктейль из водки и кока-колы.

Мои любимые голубые глаза округляются.

– Я шучу, – наклоняюсь, чтобы урвать ещё один поцелуй. – Никакого алкоголя. Пойду, поставлю чайник.

По пути я заскакиваю в свою спальню, чтобы забрать на прикроватной тумбе подарок, который я купил, думая о ней.

Серебряная подвеска в виде клубка и спиц с ярко голубыми глазками, под цвет её глаз.

Нахожу Лену на том же месте. Она тихо любовалась огня-

ми на ёлке.

– Я не наряжала ёлку, – грустно вздыхает девушка. – Все нарядили, а я нет.

Живот сжимается. Должно быть, ей было жутко одиноко. И почему я так и не набрался храбрости и сам не постучался к ней? Как дурак оставлял розы вместо того, что просто позвонить и сказать привет.

– Эй, – сажусь рядом с ней, – я нарядил за нас двоих.

– Это моя вина, – продолжает Лена, а я просто слушаю. – Я сама не впускала радость в свою жизнь. Училась, работала. И так по кругу.

– Поэтому твоя бабушка и устроила этот квест? – Я уже догадался об этом, когда услышал, как она поёт, но не озвучивал предположение. – Она знала, что так будет.

– Да, – соглашается девушка. – Я даже хотела взять смену на эту ночь, но никто не согласился поменяться со мной.

И слава богу!

– Ты больше не одна, – провожу ладонью по её голове. – Я никуда тебя не отпущу.

Она внимательно смотрит на меня. Вижу доверие в её глазах – это самое важное.

– Думаю, что это Нина. – Лена внезапно улыбается. – Почти уверена, что это она послала нам письма.

– Серьёзно?

Девушка хмыкает.

– Закрой глаза, – прошу я.

– Зачем? – Взмах ресниц.

– Просто закрой.

Лена подчиняется. Я раскрываю ладонь перед ней.

– Можешь открыть.

Мелкий озноб заструился по спине, пока я в ожидании смотрю на неё.

Вот она замечает небольшую подвеску. Я протягиваю ей украшение. Лазурные глаза засияли.

– Это мне? – не верит она.

– Тебе.

Лена аккуратно берёт изделие двумя пальчиками, приближает к глазам, чтобы рассмотреть. В комнате не так уж много света.

– Это клубок и спицы? – Она изумлённо переводит взгляд с меня на подвеску.

– Ага, – закусываю губу, – я хотел подарить тебе что-то особенное, но не знал, чем ты увлекаешься. Кроме вязания. Журналы я видел каждый месяц. Я не поехал с родителями и отказал друзьям, потому что хотел встретить этот новый год с тобой. Я не знал, как это устроить, ведь мы даже не разговаривали с тобой, но просто чувствовал, – касаюсь своей груди ладонью, – вот здесь.

Глаза моей лесной нимфы заблестели иначе.

– Тебе не нравится? – Я испугался, что она заплачет.

– Очень нравится, – Лена шмыгает носом, я тянусь к ней, чтобы прижать к себе и опустить нас на диван. Мы так уста-

ли. Нам нужен перерыв. – Я люблю тебя, – хрипнула она в области плеча.

– Я тоже тебя очень люблю. – Целую её в макушку.

– Помоги мне надеть подвеску, – просит Лена.

Я с удовольствием помогаю ей.

– Знаешь, а у меня тоже есть для тебя подарок. – Она заговорщицки улыбается.

– Не много ли подарков для меня одного? Так и с ума сойти можно.

– Помнишь, вчера... то есть позавчера ты спросил о свитере с оленями? – Я киваю. Неудачная шутка. – У меня он есть.

– Не шутишь?

– Да, красный. Я его связала, но так и не выставила на продажу. – Лена сделала губы трубочкой. Я усмехнулся. – Честно говоря, я вязала примерно по твоим параметрам, так что... Он должен хорошо сесть.

Я рассмеялся:

– Сегодня же его померю. Думаю, я буду шикарно выглядеть в красном свитере с оленями.

И я действительно так думал. Поди, найди большего оленя, чем я.

Чайник громко засвистел, зовя нерадивого хозяина.

А когда я вернулся с двумя чашками чая, Лена расслабленно лежала на диване. Подойдя ближе, понимаю, что она задремала.

Я не хотел её будить, но мне до одури хотелось прижаться к ней и тоже уснуть. Вот такой я эгоист.

Медленно и заботливо поднимаю её на руки, чтобы отнести в свою комнату на мягкую кровать. Почему она такая лёгкая?

Я опускаю её на постель, ложусь рядом. Обвиваю тонкое, но не лишённое женственных изгибов тело своими жадными руками. Утыкаюсь носом в её волосы. Вдыхаю нежный аромат лаванды. Я в раю.

– Знаешь, кого в следующем новом году ожидает погоня за Сказкой? – Спрашивает Лена сонным голосом.

– Кого?

– Нину.

Мы оба хихикаем, словно нашкодившие дети.

– Бабушка в последнем письме дала инструкции для её квеста.

О, Боже, удачи ей!

В завершение просто послушайте песню «Mary Gu, MOT – Холодно не будет». Роман писался под этот трек.

Вот и всё! Спасибо, что прочитали! И если вам понравился новогодний подарок автора, не забудьте поблагодарить его!